

Борис Корнев

ДВОЕ В КОМНАТЕ...

Повесть в двух частях с эпилогом

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2023

Корнев Б.Ф. Двое в комнате...: Повесть. – СПб. :
Историческая иллюстрация, 2023. – 104 с. : ил.
ISBN 978-5-89566-266-3

Фотографии и рисунки автора

Когда человек пребывает в уединении – это прелесть! Есть время всё осмысливать, копить и перерабатывать эмоции, прозревать... А если это долго? Никто не навещает, ты никуда не можешь выехать, не с кем общаться, кроме любимого пёсика... Тогда происходит нечто!

Нет, конечно, ты можешь наслаждаться созерцанием пара от испаряющейся росы. Он колышется на лёгком ветру под действием лучей солнца, изредко пролезающих сквозь сплошные ряды сосен... Этакое «дыхание» утреннего леса! Можешь гулять, есть, пить, смотреть фильмы.

Но всё это время тебя мучит, сильно надоедая, один вопрос: «А делать-то? Что?»

Главный герой этой повести настолько устал от «безделия», что с ним произошло нечто! Он отыскал «целителя» и допытывается у него, как получить ответ на мучивший его вопрос, а заодно и поставить диагноз. Вдруг это болезнь такая. Пандемия! Помните? «Что ты можешь? – Могу копать. – А ещё что? – Могу не копать...» «Не копать» – это то самое состояние героя повести! Трудно...

Да ещё «целитель» требует рассказать всё с самого детства. Хотя, как сам говорит, он уже всё знает

© Б.Ф. Корнев, 2023
© «Историческая иллюстрация», 2023

заранее! Ничего себе! Видать проверить хочет. Мелочь какую-нибудь заметить. А дьявол-то в мелочах!

Не ведает наш герой, чем «целителю» детство-то поможет? Однако рассказал ему и об этом...

Получилось как бы две части Одного целого.

Часть 1

ДВОЕ В КОМНАТЕ...

Много лет назад Борис Астахов заехал на два дня на родину отца. Это такое интересное место! Дом стоит на одном берегу речки, а на другом – высокие песчаные сопки. Но это не только песок. Там есть нечто морское. Когда-то, тридцать миллионов лет назад, здесь было море, потом что-то произошло на планете, а концентрация кислорода и в воздухе, и в воде резко снизилась... И всё живое, что населяло море в этом месте, выпало в осадок. Целая гора моллюсков... А рыб и прочей живности тогда ещё не было. Потом от моря осталась узенькая речушка и огромная красно-жёлтая скала...

У Астахова, как и у многих тогда, в начале девяностых годов, были свои проблемы, а хотелось многого. И это цепляло, не позволяло, как в серфинге, скользить по длинной волне жизни. Случайно забрёл в сарай, где рядом с дровами валялись свёрнутые рулоны неиспользованных обоев. Вспомнив свои психологические навыки, он тут же растянул длинный лист обоев и стал вспоминать и вписывать туда всех, с кем когда-то встречался, начиная с детских лет. Долго сидел. Потом разными фломастерами обвёл каждую фамилию, имя или, если не помнил имя, какую-то запомнившуюся особенность человека. Синим – хорошо, красным – плохо. Что

хорошо и что плохо? Неважно! Главное – выразить свою первую сегодняшнюю эмоцию к этой персоне. Три метра разноцветных имён и фамилий! Тогда это ему помогло! Соскочил с крючка, цепляющего за прошлое...

Прошло больше тридцати лет...

Берег океана, устье реки Тежа, пригород Лиссабона, столицы страны, которую Господь оградил от конфликтов последней большой войны. Ночь... Борис Астахов, уже седой, в очках, сидит в комнате на полу у излучающего тепло камина, что-то читает сразу в нескольких книжках и одновременно пишет на планшете Android. Рядом, уткнувшись мордочкой в хозяина, лежит его любимый пёсик. Тут же на полу стакан с шотландским виски...

А вокруг... Вокруг всё почти так же, как тридцать лет назад. Только наоборот! Тогда страна, где он родился и вырос, была закрыта от остального мира, а потом развалилась. Все её куски с удовольствием приняли «победители». Как бы «в гости»! Теперь она пытается выкарабкаться из чего-то наподобие колонии, а те, что победили тогда, теперь в свою очередь закрылись и хотят сохранить себя и свою власть. Сохранить даже с учётом, как говорят, их неотвратимо надвигающегося кризиса. И тем не менее, сейчас сложнее. Одни вырываются, другие не отпускают. Разрешение такой конфигурации отношений – долгая история! А потом ещё нужно всё изменить внутри! Изменить самое мощное оружие массового воздействия. Нет, не ядерное! То, которое работает вдолгую, – идеологию, образование, культуру, здравоохранение и самих себя.

Изменить именно потом. Сейчас, даже если захотеть, – не получится! Некому... Это работа система-

тическая и на десятилетия. А вокруг почти все временные. Они даже стратегию развития своей отрасли или региона заказывают учёным чаще всего, как фиговый листок, только для такого изящного «прикрытия» своей сути временщика.

Выпито уже почти две трети стакана виски «Гленфиддих-18» с бесподобным яблочно-древесным ароматом. Причём фруктовые ноты доминируют... Хорошо! В последние три года он, теперь уже пенсионер-кризисник, пристрастился к алкоголю. А что? Делать ничего не надо! И не только из того, что не хочешь. Позади четверть века то и дело всплывающих заморочек и проблем, связанных с антикризисными проектами. А анисовую водку или виски можно принимать, вообще не заморачиваясь с закуской...

Астахов отложил талмуды книг, почесал пёсика, улёгся прямо на полу на красивом ковре и, не отрывая глаз от горящих в камине больших сосновых шишек, задремал...

В одно мгновение уже в который раз перед ним промелькнули почему-то запомнившиеся детские красочные картинки... Почему именно они? Может, это какие-то знаки его будущего, того, кем он станет потом и кто он есть сейчас? Ведь то, что заложено в раннем детстве, надолго остаётся внутри тебя и не отпускает.

Вот он, двухмесячный, завернутый в белое ватное одеяло, на руках у кого-то из родных, оказался свидетелем «огромной» проблемы. Перед тем как сфотографироваться с грудным ребёнком, мама, папа, тётя и дядя, видимо споря друг с другом, долго передавали его из рук в руки, пока не договорились... Прошло несколько лет, и он с родителями на пляже, на берегу Финского залива... Тепло! Только

что на мелководье наигрался с надувной резиновой лягушкой, и теперь сидит и по песку, будто машину, возит сандалию. Ни тебе соринки в глазу, ни занозы в пальце, ни мозоли от новых сандалий... Одни плюсы! Да ещё никто не ругает за ссадину на коленке. Потому что ещё не видели! А он сегодня на повороте свалился со своего велика...

Вдруг резкий визг торможения! И шум крутящихся задних колес, повисших над асфальтом. Это грузовик уткнулся в канаву, только чтобы не задавить маленького Бориску... Выскочил мальчишка из автобуса в переднюю дверь и, не дожидаясь маму, кинулся на другую сторону дороги за любимой палкой, спрятанной в канаве около остановки...

И ведь какая шельма! Чтобы не ругали, специально заикался потом два дня. А уже в школе, в третьем классе, чтобы не спрашивали на уроке, перевязал голову бинтом. Мол, ударила тяжёлая стеклянная дверь в метро. Да так сделал, чтобы на лбу сквозь бинт было видно пятно от йода. А через неделю снял бинт и пришлось специально чуть-чуть расцарапать себе лоб.

В соседнем доме, в агитпункте, по телевизору «Знамя» показывали фильм «Два океана». Взрослые сидят на фанерных креслах, как в кинотеатрах, а дети перед креслами на полу... До сих пор помнит голос робота: «Пароль?» и ответ главного героя фильма: «Семнадцать...» Почему семнадцать-то? Только недавно узнал. Это моя цифра – управлять процессами изменения отношений между людьми и конструирование своего будущего.

Позднее вдруг полюбил электронные облака и ночью зачитывался специальной литературой о законе Менделеева. Прямо как сегодня глубокой

ночью. Только не у камина на тёплом полу, а на кухне в коммунальной квартире с «холодильником» под окном – дырой в стене, прикрытой дверками этакого фанерного шкафа. Все соседи спят, а он сидит на газовой плите, закрытой крышкой, в шапке-ушанке, в шубе и в валенках, ноги на табуретке. Представляет себе разные: p, d и f-электроны, крутящиеся вокруг ядра на верхних орбитах. И только лёгкий аромат газа тянется из старых потрескавшихся труб...

Как всплывают воспоминания? У всех по-разному. У Астахова сначала появляются запахи, звуки, красочные картинки, а уж потом они влекут за собой события и факты.

Вдруг он вспомнил боль в руках, когда, насмотревшись фильма «Человек-амфибия», мальчишки-одноклассники, будто в воду, как Ихтиандр, «ныряли» с парты на пол. Столько лет прошло, а он до сих пор нет-нет, да услышит музыку из фильма «Шербургские зонтики», красивое звучание голоса нового учителя французской литературы. А как запомнился ему рассказ преподавателя музыки! В начале шестидесятых учитель жил на площади Стачек в сталинском доме за памятником Кирову. Поднимается он по лестнице и слышит диалог:

- Третьим будешь?
- Да, пожалуй... – кто-то робко отвечает.
- Ты где работаешь, дружище?
- Я композитор...
- Ну ладно, не хочешь, не говори...

И снова, какое совпадение! Наливает в гранёный стакан за семь копеек портвейна «Три семёрки» случайно подвернувшемуся «третьему». Смотрит учитель, а это Дмитрий Шостакович! Оказывается, в

одном подъезде жили и те двое, и великий композитор, и он, обыкновенный учитель музыки в Доме культуры имени М. Горького.

Один за другим, как в очереди за колбасой в конце восьмидесятых, Астахова навещает весь спектр запахов. Сперва острый «аромат» аммиака, выползающий из-под неработающих вытяжных шкафов в лаборатории, потом запах растворённого в воде горчичного порошка, когда-то так нужного для мытья посуды, дым от папирос профессора на всех его лекциях по неорганической химии и кислородный привкус в воздухе после запуска в полёте главной лестницы факультета ритуальной ракеты на День химика...

Как же захотелось ему вернуться в то время! Тогда свежесть чувств ещё не успевала поблёкнуть под гнётом вездесущего рассудка пенсионера. Плыть по течению этих чувств и под музыку своего сердца! Что может быть увлекательнее?

Теперь, спустя столько лет, он ясно сознаёт, что все эти годы в первую очередь он и его одноклассники искали самих себя. Искали, будто в фантастическом романе, как в «Игре в бисер», порою не зная правил и пытаясь совместить несовместимое. Пробовали новое, ошибались, набивали синяки и шишки, вновь бросались в омут неизведанного. Многие погибали или теряли себя... При этом он всегда помнил известную истину: «Человек не сможет открыть новые океаны, пока ему не хватит мужества потерять из виду берег».

А вообще, вспоминать прошлое – милое занятие. Особенно когда ты пребываешь в забвении, и если это происходит легко, не задерживаясь в сознании, как бы само собой. Вдруг всплывает из глубин па-

мяти и также вдруг возвращается куда-то обратно... Только одно «но»! Хочется понять, где-то вычитать, у кого-то спросить: «Сейчас-то что делать?» Ничего!?

* * *

«Грудой дел, суматохой явлений, день отошёл, постепенно стемнев. Двое в комнате. Я и...»

Уважаемый мною собеседник, меня зовут Астахов Борис. Сейчас я на пенсии. Раньше много лет занимался антикризисным консультированием. Хотя это не так называлось. А как? До сих пор не ведаю. Только не консультант! Это точно! Этим платят поминутно... Так вот. Я пригласил Вас в эту уютную комнатку, чтобы рассказать историю моей «болезни», попытаться вместе с Вами сформулировать этаким эпикриз, поставить диагноз, раскрыть причины «профессионального заболевания», выписать «рецепт» – что делать и как? Какими «капельницами» вымывать «плоды» долгого пребывания в условиях неопределённости...

– А мне, значит, слушать и по ходу вносить коррективы или только в конце дать диагноз всему потоку чувств, который, чувствую, сейчас польётся, как из ведра? Не надо, не отвечай! Я сам соображу! У нас получается, как у Омара Хайяма: «В одно окно смотрели двое. Один увидел дождь и грязь. Другой – листвы зелёной вязь, весну и небо голубое. В одно окно смотрели двое...»

Вот, и нас тоже двое. Конечно все люди разные! Но мы оба целители! Ты же, как и я, бизнесы исцелял... Правда, у меня был бизнес в кубе – политика!

И тем не менее, если два врача начнут ставить диагноз, то это ещё хуже, чем два юриста... Консилиум – это несколько врачей! И даже в нём решение и ответственность всё равно за лечащим врачом. То есть за тобой, тОвариЩ!

И потом, я вообще-то ещё и епископ! Так что можешь считать, что это будет твоя исповедь. Не знаю, как в твоём случае, но, по идее, она помогает...

В любом случае иногда так бывает – два человека, пребывая в духовном кризисе, долго идут по жизни навстречу друг другу, сами того не зная. Встречаются. Похожесть судьбы, сходство характеров, уничтожающее давление жизненных противоречий... Постепенно возникает чудесное ощущение доверия. Душа пробуждается... Психика постепенно, с надрывом, начинает гасить угнетённое состояние, «осознавая» его односторонность. На поверхность выходит совсем другое ощущение терзавших противоположностей. Оно уже отличается от деления на чёрное и белое...

Если согласен, начинай, коллега. Я потерплю, сколько смогу.

* * *

Для меня всё началось рано. Летом, после первого курса универа наш студенческий интернациональный отряд строил новые корпуса университета в Петродворце. Пытался строить. Сидели на полу в голой каменной комнате и ждали стекловату или прораба. Переносили эту вату в другие комнаты и опять ждали... От безделья занимали себя изучением иностранного мата и игрой в карты «на дурака».

– Громко сказано! Европейский мат... Это нечто дебильное! Виноват! Имбецильное... Полагаю, что

здесь пока первая степень олигофрении. Пытаясь ярко, не художественно, но ярко выразить свои эмоции, они произносят глаголы только двигательного характера... Видимо, полагая, что движение сильнее действует на органы чувств. Я сказал, он предупредил, они взорвали... Для них, к примеру, «дела» и «поступки» – одно и то же!

Точно! Помню, рассказал тогда немцам притчу про танкистов. В ней командир послал механика водителя за соляжкой. Подчинённый вернулся, и между ними состоялся диалог на одном только матерном слове примерно такого содержания:

– Ну как?

– Да никак!

– Почему?

– Да ну их!

Так пришлось долго переводить им и разъяснять...

– А я знаю! – вдруг радостно воскликнул мой собеседник. – Не зря прошли годы общения с российским императором. Конечно, я не имею в виду диалог танкистов! Но знаю, что слово это, произнесённое в зависимости от разных ситуаций, несёт в себе совершенно различный смысл.

Никогда не сомневался в Вашем уме вообще и в этом вопросе, в частности!

– Знаешь, что я тебе скажу... Бориска? Ничего, если я иногда буду так тебя называть? Ты, конечно, прав! Сомневаться в моём уме – значит не иметь своего. Глупое занятие! Однако ум – это необходимое

условие, но совсем недостаточное. Ум нужен для всего, но сам он не ведёт ни к чему! Не могу к случаю не продемонстрировать свою компетенцию. Вот послушай, это по-немецки: «Хальте дас мауль! Ду бист фердантер шайскерл...» Пруссаки так говорили. Не буду переводить! Так поверь старику. У них это пример максимально выразительного мата...

Я тоже ещё с того отряда помню эту фразу! Долго думал, что же в ней матерного? Наверное, именно поэтому комиссар отряда, философ, меня наказал только за карты. Отправил на кухню мыть посуду. Почему только меня? До сих пор не ведаю. Ведь играли четверо...

В общем, выглядело это так. Во время завтрака, обеда и ужина я сидел в мойке у открытого в зал окошка, в костюме, в белой сорочке, в цветастом галстуке, надушенный одеколоном «Шипр» и с папирсой «Дюшес» во рту... Любовался тем, как 250 бойцов стройотряда в грязной рабочей одежде готовят мне фронт работ. Кто-то подходил и просил у меня чистую вилочку или стакан. Я откладывал папирсу на изящную пепельницу и, не вставая, выдавал желаемое. Заранее специально всё разместил под рукой. Потом, когда все уходили, закрывал окошко и окунался в нечто. С остервенением мыл посуду в трёх ёмкостях! В первой – с порошком горчицы. Запах!! Специфический!

– С ума сойти! Зачем ты мне рассказываешь эти жуткие подробности? Хотя, если в 18 лет ты не радикал, то ты подлец! Всё самое яркое нужно испытать в юности! Пока ума ещё нет. Как частный случай – карты и мат.

Просто я хочу показать, как в плохом искал хоть что-то приятное! Да и не искал вовсе. Как-то само получилось. Все балдели от такого «наказания»! Особенно комиссар.

В августе началась заварушка в Чехословакии, и студенты из Праги заперлись в одной комнате и объявили голодовку.

– Это, если мне не изменяет память, 68-й год прошлого века. Франция вышла из НАТО, во всей Европе молодёжь обнаглела... У вас только Чехословакию задело.

Видно, сильно задело, если для исправления пришлось всему «Варшавскому договору» туда с танками приходиться. Наши стройотрядовцы-чехословаки отказывались ехать на автобусе в аэропорт с сопровождающим из милиции. «Только с БФ-ом поедем!» – твердили они. Меня уже тогда называли «БФ». Это не столько мои инициалы, сколько нечто иное. В различных компаниях, если появлялся, то обязательно пытался соединять или примирить, как бы «склеивать» совершенно разных или просто поссорившихся людей. Ну, а клей «БФ» тогда был единственным и незаменимым. А еще понравилось им, как я обошёлся с наказанием. Наверное, думали потом перенести эти эмоции на политику... Напрасно! Это разные вещи. В общем, доехали мы до аэропорта. Улетели студенты в свою Прагу. Уж не знаю, что они там делали. Но вот вопрос, который меня до сих пор гложет и гнетёт, кто вместо меня в тот день посуду мыл? Кстати, студенты за два месяца своей пахоты ничего не заработали. Такая была организация труда! А я за месяц своего

наказания получил оклад посудомойки – 70 рэ. Как раз две стипендии!

Вот так первый раз окунулся в нечто вроде кризиса. И первый раз нашёл в этом что-то забавное.

– Ну, положим, это у тебя не первый случай! Начинать нужно с самого, самого детства. Именно там формируются знаки твоего будущего! Их нужно суметь своевременно разглядеть и запомнить... Короче, я всё это заранее по твоим датам посмотрел и в общем-то уже могу...

Хотя, пока воздержусь. Поражает другое! Не твои реакции, а твои оценки событий! Ну что ж тут забавного? В костюме и в галстуке посуду мыть в горнице!

Во-первых, знаете, с детства долго будет! Вам, полагаю, не хватит терпения. А во-вторых, Вы что же, меня тоже за имбецила держите? Я же переодевался потом. Когда все уходили на работу...

– То есть сперва специально наряжался, а потом... Тогда ладно. Артистическая натура! Люблю, когда всё продумано до мелочей! А про детство твоё я и так всё знаю. Оно у тебя на лбу написано, тОвариЩ Астахов!

Как это, на лбу? Это Вы образно? – Астахов вспомнил, как он в школе перед уроками специально царапал себе лоб, и на всякий случай даже подошёл к зеркалу...

Следующим летом – другой отряд. Тут я изловчился тачку возить с цементным раствором. Да не просто так! А на второй этаж с разбегу, да ещё по

одному брусу. Это сначала. Потом по доске-сороковке на высоте два метра заливал раствором двести коробок размером 2 × 2 × 2 метра для будущего фундамента под коровник. Многие пробовали. Не получалось!

– Да ты прямо-таки герой, как я посмотрю! Надо бы поменьше рвения. Поменьше рвения, чёрт побери!

Ваша правда! Ведь от излишнего усердия иногда падал... Я – на камни, приготовленные для заполнения будущего фундамента, а раствор вместе с тачкой – на меня! Запах! Опять-таки специфический! И больно, между прочим. Зато, будучи с перевязанной головой, освобождался от разгрузки цемента из баржи лопатами. Вот где жуть настоящая! Это разве не плюс!?

Кончилось лето, меня сразу же, как «незаменимого» тачечника, избрали в комитет комсомола факультета.

– Куда избрали?

Ой, долго объяснять. «Общественной работой» это называлось.

– То есть бесплатной?

Не берите в голову! Это такой способ мотивации к активности.

– Могу и не брать. Только как-то это... Нелогично.

Логично-нелогично! А сразу началось, поехало... Малый химический факультет сделали для старшеклассников, чтобы они быстрее соображали, надо им через год на наш факультет поступать или это делать нецелесообразно. Хотя бы из-за запаха аммиака в вестибюле при входе. Потом организовали свой пивной бар на День химика, с приглашением известных артистов из театров... После торжественной части в наше заведение огромная очередь на лестнице выстраивалась.

– *Чем же это какое-то пиво лучше вина? Хотя ладно! Бесплезный спор будет...*

Здесь главное было не тип напитка, а комфортное общение с себе подобными... Темно. Все пьют, курят, поют... Окна завешены самопальными картинками с еретиками и алхимиками, факелы горят... На столах бутылки пива, гранёные стаканы и тарелки для окурков вместо пепельниц... Игорь Дмитриев из БДТ читает что-то, держа в руках колбу со спиртом с надписью «Яд»... Фёдоров и Хочинский поют...

– *А артистам-то зачем с вами общаться?*

Они пришли, что-то сказали, спели, выпили из колбы «яду» и ушли...

Уже после окончания факультета меня, как активного «общественника», внушающего большое доверие, распределили плавать по мировому океану на кораблях науки. Ну там заграница, Антарктида, остановки в портах Австралии, Южной Америки...

И в первый же год я четыре месяца качаюсь в штормовом море Бофорта на маленьком судёнышке

«Маяк». Это море над Аляской и Канадой, если не знаете. Один из трёх основных центров формирования циклонов на планете! Сквозь всеобщую и перманентную тошноту ищут в Арктике новое подводное течение... «Фига!» И ведь нельзя! В лоции написано. Кромка льда подберётся к берегу мыса Барроу, и не выбраться из этого чужого моря...

– *А ты что хотел? Когда делаешь что-то бесплатно, результата не жди! Тоже мне, «общественная работа»! Вот тебе и мировой океан! Вот тебе и новое течение!*

Да уж! Еле-еле успели выскочить! И то только потому, что боцман сильно заболел. Пришлось срочно возвращаться в наши воды. Мимо мыса Борроу еле протиснулись. В Чукотском море в полной темноте подошли мы к железной громадине. Она вся в огнях, как девятиэтажный дом в Сосновой Поляне, где я жил тогда. По бортам у нас было две шлюпки, одна в щепки разлетелась от нашей швартовки. Мы боцмана взяли, поднесли к борту и с нашей единственной палубы передали на торговое судно. Если бы не боцман с его болезнью, на крайний случай как-нибудь перезимовали бы на льдине. Но зато матросы с большого корабля нам успели бросить несколько блоков болгарских сигарет «Опал». Уважают! Это ведь мы, «ледовый патруль», сообщали им, где кромка льда. Да, и главное! Я успел на собственную свадьбу! За три дня до регистрации прилетел. Опять плюс!

– *Так ты ещё и женат!? Как же она тебя терпит, «кризисника генетического»? Для таких, как*

ты, которые на кораблях ходят по морям и океанам, – их судно, что дом родной! А в семье – это так... Командировка. Не обижайся. Это я сам с собой размышляю.

Про жену я бы поспорил с Вами. Но просто скажу так: всё, что на протяжении почти столетия интегрально влияло на меня, проходило и через неё, изменялось, адаптировалось и, в конечном счёте, иначе, а не в чёрно-белом цвете, воздействовало на меня.

А в Арктике получилось весьма изящно! Все поплыли в Петропавловск, а меня по блату, как багаж, загрузили в маленький самолетик до Анадыря... И свершилось невозможное. В это время года за три дня долетел до Москвы! На самый северный в стране маршрут «Провидение–Анадырь–Тикси–Диксон–Амдерма–Москва» осенью месяца три уходит. Циклоны! Да! Ещё наше судёнышко стало главным героем нового фильма по одноименной повести Юрия Рытхэу «Самые красивые корабли».

Потом «прыгающая». Это всё вместо мирового океана, Австралии, Антарктиды, Южной Америки... Придумали, понимаешь, на самолетике весь бассейн арктический облететь, раз пятьдесят сесть на лёд, взять воду с разных глубин – и, глядишь, опять-таки течения новые сыщешь! В общем, это всё для того, чтобы не на льдине дрейфовать целый год, как Папанин, и не на айсберге, как Чилингаров. Это известные у нас полярники... Дали четыре самолетика с красным хвостом. Удобно! Когда он улетит, а ты остался. Его будет далеко видно на фоне льда. Прыгнул на ходу, дырку просверлил, а оттуда столб воды! Значит, лёд тонкий, и самолётику пора сваливать!

А ты уж потом, когда увидишь вдали красный хвост, туда и иди... Угробили все четыре. Бывает, что самолёт не успевает улететь и проваливается под лёд. Зато ты не один, все выпрыгивают и ждут, ждут, ждут... Ждут, когда другой самолёт прилетит, сядет где-то рядом и не провалится. Прилетит... «Щас!» Это если рацию аварийную из тонущего самолета успели захватить и ещё если в ней аккумулятор заряжен, а не как обычно... Останется только передать свои координаты. А на аэродроме – их услышать... Как говорил немецкий генерал из фильма «Семнадцать мгновений весны»: «Погибать страшно в одиночестве. Скопом – пустяки! Даже пошутить можно!»

– Немцев не стоит слушать. Ничего умного не скажут. Могут подумать. Но никогда не озвучат! А если и скажут, так их мата достаточно для оценки сказанного. У них только философы хорошие...

Да мы особенно-то и не думали тогда... Даже не задумывались. А уж погибать... Тем более! Так, забавно...

– Это твоя жизнь! А тебе всё забавно! Такое складывается впечатление, что ты специально плюсы ищешь, находишь и копишь их в какой-то специальной кубышке, рядом с другой такой же, но только там у тебя жуть хранится.

Нет! Они в одном флаконе! Это и жуть, и забава одновременно. Например, та забава с самолётами называлась – «первичная посадка на лёд неизвестной толщины». А что? Зато час полета – три шесть-

десять, как без двух копеек бутылка «Московской», каждая посадка – червонец... А ещё червонец за день на льдине, где аэродром, плюс штормовые, гробовые... Как всё толково продумано!

– *Опять не понял. Так что, эта «московская» лучше пива?*

Это самостоятельная ценность! К ней нужна картошечка отварная и селёдочка с луком... Долго объяснять.

– *Хм...*

Через год – Чили. Наконец-то не Арктика, а Южная Америка!

– *Ну вот! Обещанного ведь три года ждут! Неужели не знал?*

Знаю, конечно. Только тремя годами не обошлось! Спросите, почему? Все просто! К сожалению, опять август! И это минус! Группу из двадцати парней из Москвы, Ленинграда и Минска направляют в город Вальпараисо для организации вывоза наших студентов. Они там были в стройотрядах. Ну, как я после первого курса, помните? Пока собирались, пока летели, в Чили правительственный переворот уже свершился.

– *Потому что президентом там был врач! Это всё равно что художник или писатель... Таким управление чем бы то ни было противопоказано! Тем более государством. Потом объясню. Ты говори, говори...*

А то пока никак не могу уяснить, что у тебя болит. Вроде бы всем доволен...

Ага! Шцас! В Вальпараисо всех арестовывают, связывают и бросают в трюм небольшого советского торгового судна. Тоже мне – «молодогвардейцы»!

– *Кто такие? Почему не знаю? Хотя ладно, продолжай! Только поменьше непонятных мне словосочетаний. А то неясно, кто связывает, почему? Новые власти, что ли?*

Ну конечно! Альенде-то уже хунта убила... Так вот, лежим мы, значит, друг на друге, а вокруг нестерпимый смрад от смеси солярки, духоты и мочи... С берега доносятся истошные крики. Через два дня открылся трюм, и местные солдаты в касках, почти как у немцев во Вторую мировую, вытаскивают всех на палубу. Смотрим, на мостике какой-то мужик в помятой фуражке и с ним пять матросов. Все избиты, на тельняшках пятна крови. По штату на судне надо пятнадцать матросов, однако умудрились-таки отплыть на Кубу. Никаких наших студентов даже и не видели... В общем, опять «фига»! Сами еле-еле выбрались. Зато на Кубе побывал! Обещали же мировой океан... Я привёз оттуда сушёную морскую звезду. Она до сих пор со мной.

– *Только ничего про вас не писали... Это я не про твою засушенную морскую звезду, а про поездку вашей молодёжи.*

Да, кстати, вспомнил, на Кубе главный тоже был из врачей. Но этот хоть долгое время боролся с режимом. Испытал, как говорят, качели судьбы... Поэтому и сохранились и страна, и он сам!

Не писали! Это точно. Тогда время такое было – новости на телегах развозили в железных клетках. Никто ничего не ведал. Помню, самолёт разбился под Ленинградом. По приказу партии хожу по квартирам и сообщаю родственникам о... Ну, Вы понимаете о чём. Этакий «почтальон» с удостоверением инструктора райкома партии. Хоть бы депутата послали! Его ведь жители местные избирали... До сих пор удивляюсь, как не прибили меня эти самые родственники погибших. А потому что мне только три квартиры достались! И в одной никого не было. Вот так! Всегда есть хоть чуточку хорошего. У других было по-всякому. Одного в милицию забрали, мол, ходит тут и пугает всех. А удостоверение его родственники погибшего сразу в окошко выбросили. Слишком близко к их лицам подносил свою «ксиву». Другого в больницу доставили на «скорой»...

В августе 83-го другая напасть. Сначала на неделю вызвали в Москву. Там с нами что-то делали врачи из Цэковской больницы. Это чтобы забыли имена и фамилии... А потом – вонючий сарай на краю Кандагара с окнами, забитыми ржавыми листами железа, и ямой вместо туалета. И опять этот август! Одна табуретка перевернута, внизу керосиновая лампа, а сверху на ножках тряпка, чтобы прикрыть свет. На другой табуретке печатная машинка «Аурика»... Целый месяц, ещё хорошо, что всего один месяц, тщетно стараюсь плодить инструкции для нашего политического советника «ихнего» председателя кандагарского отделения НДПА. Это у них так партия называлась – НДПА. Как, понимаешь, примирить Халък и Парчам – две враждующие части правящей партии? Опять-таки, «фига»!

Почему? А потому что пиши – не пиши, как и что нужно делать, – в кризисной ситуации всё равно какую-нибудь мелочь забудут. Или что-то сделают чуть-чуть не так. Не так, как написано в «формуле поведения» или в «архитектуре меняющихся отношений». Вовремя «гасить сердцем» эти малейшие отклонения некому! А дьявол именно там, в мелочах! Ну и результат – «фига»! Одно радует: из щелей в окне, как туман поутру, постоянно стелется аромат моего жилища. Ни одна собака не сунется! А совсем рядом гостиница. Там свет горит, музыка, туалеты, душ... Так её вместе с постояльцами сожгли моджахеды. Как же это учит радоваться тому, что у тебя есть!

– А ты жив остался! Молодец! Значит, правильно себя вёл в критической ситуации. На войне, чтобы остаться живым, ой как много нужно мучиться! Окопы рыть, в болоте тонуть... Или вот, как ты, в вонючем сарае... А почему вдруг Афган? Это Афганистан, я правильно понял?

Правильно. А вот почему вдруг? Потому что есть такое слово «номенклатура». Как только тебя начинают изучать другие инстанции – всё! Кадр засветился! Теперь на него все кому не лень глаз положили. Можно использовать! Потому и Афган. Это такая расстановка перед каким-нибудь повышением. Ну и воспитание, какое-никакое. Так, между прочим...

Просто полугодом раньше случился «андроповский призыв».

– Это ктож такой? Опять не знаю? «Ленинский призыв» – слышал про такой, а этот...

Андропов, бывший председатель КГБ, а в конце жизни – Главный в партии... В общем, забирали в школу КГБ из партийного аппарата. Не всех, конечно! На моей анкете было подчёркнуто: кандидат наук, французский язык и инструктор райкома. Тогда номенклатура многое значила. Если ты из инструкторов, то после спецшколы тебя можно поставить на район. Ни больше, ни меньше. А если ты, к примеру, кто-то повыше, то нельзя! Неправильно будет. Нужно куда-то на большее место с соответствующей номенклатурой. Ой, никогда не забуду это время!

– Так же, как с Наполеоном, – встрял собеседник. – Из генералов третьим консулом – ещё куда ни шло... Сразу первым – ни-ни!

Тогда мой начальник, первый секретарь райкома, вызвал и тихо так сообщил, что меня забирают туда... Головой мотнул куда-то в сторону. Не вверх – это точно! Прямо при мне позвонил по телефону своему старому знакомому по комсомолу – секретарю обкома партии и включил громкую связь... Какое доверие! Спросил про меня. Слышу: «Как фамилия?» Через мгновение: «Забудь его!» Круто! Значит, на столе у большого начальника этот список «призывников» лежит.

Мой начальник не курил. А тут вытащил пачку сигарет и протягивает мне, мол, закуривай... Опять этот «Опал»! Прямо, знак какой, что ли. Я взял, закурил. Почему-то тотчас вошла секретарша, посмотрела на меня, пускающего дым на её начальника и, ничего не говоря, бойко, привычная к любым неожиданностям, вышла из кабинета. А через час все

в райкоме знали, что я вовсе не тот, за кого себя выдавал всё это время. Курил, понимаешь, прямо в кабинете начальника!

«Ты, главное, не отказывайся!» – присел секретарь райкома рядом и тихо так рассказал, за что его, руководителя комсомольской организации целого города, вдруг сделали начальником маленькой партийной организации одного из филиалов известного в городе завода. Обычно руководителем в райкоме партии сразу направляют после такой должности в комсомоле... А тут надо же! Какое нарушение номенклатурных правил!

Оказывается, всё просто! Он был руководителем группы туристов по Европе. Одна женщина взяла и осталась там...

– Ну и что?

Как это что? Прозевал – получи!

– Прозевал что? Осталась там, где нравится! Что тут такого? Не знаю, не знаю. Тут что-то иное...

Я тоже был руководителем группы туристов по странам Средиземноморья. Помню, как на Мальте остановились наши пять автобусов, и все толпой ринулись в местный туалет. Все, да не все! Руководители групп стихийно и, как оказалось, осознанно собрались в кустарнике около дороги... Какие там туалеты!

– Наверное догадались, что можно и в кустах свои дела сделать...

Сначала могло показаться именно так... На самом деле всё сложнее! Просто на другой стороне дороги было посольство США...

– И туда все хотели убежать?

Не все, конечно. Но отдельные индивиды – с удовольствием! Помню, в Ванкувере был. Там очередь стояла в кафе, человек пятьдесят! Скажете, есть хотят? Просто в этом кафе, весь город знал, одна официантка есть... Думаете, красавица!? Не-а! Только в этом кафе посетители приходят, усаживаются за стол, а она прямо на них тряпкой всё со стола сметает... Обалдеть, как непривычно!

– Да-а-а! Я был в Америке. Там тепло... Но уж очень много эмигрантов!

А через два года моего начальника вызвали в Кремль, вручили орден и сказали: «Так надо было». Вы, как всегда, оказались правы. Тут было что-то иное...

К чему я про это вспомнил? А к тому, что хоть КГБ и силовая структура, а инструкция сильнее! Один глаз вдаль видел на пол-диоптрии хуже нормы. Всё! Кранты! Нужно согласовывать с Москвой.

Я к начальнику. Мол, соглашался со всем, что скажут, но вот ведь какая незадача!

В тот же день меня свозили в горком партии, показали, согласовали, провели бюро райкома, и назначило меня это самое бюро заместителем заведующего отделом! Всё! Номенклатура моей должности поменялась!

– Ей Богу, как у детишек в песочнице!

У вас, что же, иначе было? У всех так! Работа с массами не будет ждать каких-то там согласований с Москвой моих способностей видеть вдаль. Пусть даже тем самым глазом, которым прицеливаются. «Горячее сердце» – есть? Есть! Со всем согласен и готов ко всему! «Холодный ум» – тоже! Ведь учёная степень – это как минимум значит, что ты можешь самостоятельно что-то исследовать. А вот про «зоркий глаз» я что-то не слышал.

– Я знаю. Это у индейцев! Всё в той же Америке, что от того места, где мы сейчас, отвалилась тридцать миллионов лет назад... Вон, вдоль всего берега следы излома!

Теперь обратно ползёт. Три сантиметра в год...

Это какая наука сказала? А что будет, если вдруг быстрее пойдёт процесс сближения континентов? Не успеют привыкнуть друг к другу, и тогда, как у людей, начнётся болезненная притирка. Глядишь, горы появятся здесь, в устье реки Тежа... Да, всё равно. Нам не пригодится! А вот что касается партии, то я так считаю – ей нужны работники, которые видят человека вблизи. Со всеми его особенностями и способностями. Тогда она сможет твоими руками предложить его для решения тех проблем, которые он способен разрешить. Это – психология! А издали... Это уже социология! Нужно не видеть, а чувствовать настроения больших групп людей. Для чего? Опять-таки, для того, чтобы вовремя предугадать лёгкое дуновение помыслов масс...

Кстати, чуть позднее, уже в отделе науки и учебных заведений, пришлось мне «открывать» социологию в городе... Создали в универе факультет,

упорядочили соцпросы. Хоть разобрались, что такое выборка? А то повесят ящик на входе в вуз. Кидайте туда всё, что думаете про ректора... Потом какой-нибудь дурак-двоечник это с неопишуемой гордостью озвучивает.

В конце восьмидесятых долго думал, как кое-что в управлении изменить? Да не вообще, а в объединении науки и производства. Сделал первое в стране акционерное общество. Специальное постановление Совмина приняли на этот счёт. Чай, не СП-эшкa какая-нибудь с венчурным капиталом! Как ребёнка вынашивал, девять месяцев ездил в Москву. Только войду в купе поезда, сразу температура 38! Психосоматическая реакция организма на приближающиеся ужасы блуждания по кабинетам правительственных чиновников. Однако издали постановление точно в день рождения моего нового начальника – академика! И это плюс! Я хоть понял, что подписать постановление и издать его – как говорится, две огромные разницы!

Потом часто применял эту особенную прелесть работы с документами. К примеру, кто-то из хороших знакомых придёт к первому лицу завода, банка или всё равно чего, и подсунет ему на подпись свой текст приказа, состряпанный для удовлетворения какого-то своего интереса. Потом, на радостях, сам несёт эту бумагу прямо в документационный отдел, а не в специальное окошко, мол, вот вам! А там все «накаченные», ни крупинки души или ещё чего-то человеческого. Берут бумагу, подписанную самым главным, и спокойно, никак не проявляя никаких эмоций, кладут её в специальную красивую коробочку. Всё! Этот хороший приятель «главного», даже если он его заместитель, уходит довольный донель-

зя... А номера-то нет! «Фига!» Номер-то присваивают они! И только тогда, когда снизу есть определённый набор виз. Это ещё раньше опять-таки самый главный в приказе определил. А все остальные это прочитали и подписались. И воспитывать таких «остальных», напоминать о том приказе, который они должны знать, обращать их внимание на стену слева от окошка для сдачи документов, где приказ этот вывешен, как-то даже неэтично. Да и не по должностной инструкции!! Интересная коллизия! Вроде и хорошие отношения сохранены, а документ не издан! Хоть и подписан.

Ему бы, хорошему приятелю «главного», сообразить, что в подsunутом на подпись проекте приказа нужно было просто добавить всего один пункт: «Настоящий приказ имеет номер 1 с индексом „с“ (специальная серия приказов)».

Конечно, как всегда, бывают исключения. Это я про работников отдела. Проявляют, понимаешь ли, определённые, пусть и отрицательные, человеческие качества... Так вот и эти отклонения от нормы тоже можно и нужно использовать *для документационного обеспечения управления*. Кстати, эти отделы мы так и называли «ДОУ»!

Как? А вот как! Если «Главный» наконец-то постиг всю прелесть тонкостей управления. Особенно если он большой учёный или успешный предприниматель. Тогда он сам зовёт начальника отдела и поручает ему повременить с присвоением номера на вот этом приказе и дожидаться его дополнительного специального указания. Все визы есть, всё правильно, а номер ставить – подожди!

А приказ об увольнении заместителя. Во как! Конечно, найдётся в отделе такой, кто сочтёт для

себя приятным или выгодным сообщить увольняемому о подписанном приказе... Этот заместитель мгновенно появляется у «главного», состоится конструктивная беседа, и «приказ» без номера возвращают обратно, на стол «главного». Прелесть!

Ну, в постановлении правительства всё было на месте. Одних виз с десятков! Уже через неделю объявились иноземцы и на два месяца «забрали» меня в Тель-Авив, Цюрих и Амстердам. В паспорте штамп стоит «Выезд разрешён. Многократно!» Опиет доверяют... Легко сказать – «забрали!» Дипотношений с Израилем нет...

– *Это что-то новое! При мне не было...*

Появилось в середине прошлого века...

– *Кто сделал?*

Не скажу! Само, наверное...

Так вот, чтобы сесть в их самолёт компании «El-Al», когда обратно летишь, нужно сперва пройти беседу с очаровательной женщиной в военной форме. «В каких городах побывали? Ах, в Иерусалиме! Что-то купили? А продавец с витрины взял или изпод прилавка? А покажите...» Зато их самолёты не взрываются.

В общем, привезли меня для обучения бизнесразведке и охране интеллектуальной собственности. А у нас её нету! Во как! Разрешили вот бумажки иметь – акциями называются. А настоящая собственность – заводы, пароходы – только у государства!

Видимо, иноземцы пытались понять, что я ещё могу «сотворить», ну и заодно «совратить», конечно.

А я, в свою очередь, – устоять перед соблазном и постичь, как управлять в условиях бардака и неопределённости? Ведь чую, актуально же! У нас скоро тоже что-то похожее будет. А здесь уже! Жара, ещё не кончилась «Война в заливе», стреляют, и снова этот нестерпимый запах гари и пота... По улицам ходят местные девчонки. За спинами у них ружья. И у каждой дуло от винтовки волочится по асфальту... И смешно, и грустно. Увидят коробку картонную на тротуаре, остановятся и ходят вокруг неё... Бдительные! Вот уж самое время проникаться радостью жизни за границей и изучать способы охраны интеллектуальной собственности!

Но надо сказать, это только в Израиле. Зато в двух других странах случилось воочию увидеть поразившие меня факты. Один миллиардер при мне подписывает чек за два стакана сока, принесённые в его кабинет в его же гостинице, другой сам печатает протокол наших переговоров, а третий выписывает мне чек на две тысячи долларов только за то, что я ему предложил в его кризисной ситуации с журналистами ничего не делать, не предоставлять им очередной информационный повод поизгаляться в СМИ, а просто, как в свое время Вы говорили, – «Немедленно ждать!» Думаю, Ваша фамилия убедила миллиардера прислушаться к совету.

– *Во-первых, я говорил: “Urgent attendre!” Не «немедленно», а «срочно». «Немедленно» – значит, не откладывая на потом. А «срочно» – подразумевает полное отсутствие времени на раздумья. Даже мысль не успеет мелькнуть о запятой после такого слова! Хотя в обоих случаях это наречие... И запятая не нужна.*

А во-вторых, я так скажу. Это всё наши люди! Появились в моё время. Их девиз: «Главное не быть бедным!» Не писатели и художники, или учёные гуманитарии, философы... У тех представление о мире слишком всеобъемлющее. И вообще, те, что из культуры, они сразу и надолго себе уяснили тот незатейливый факт, что всё в мире они знают и понимают. Если что-то как-то не так... Не беда! Это же искусство! Его каждый по-своему воспринимает. Привыкли, что они всё понимают. Ни тебе сложных формул, ни теорем! И всё, что они говорят или даже творят, единственно правильное. Даже если что-то лопочут про политику.

Вот таких во власть или около неё – ни в коем случае! А то будет, как в Чехии в годы развала соцлагеря...

– А я думаю, это не от него зависело. Лучший способ свергнуть правительство – это войти в него! Вот его и «вошли»...

Меня другое больше интересует. А ты никогда не задумывался: «Чего это они, миллиардеры, с тобой вообще разговаривают? Своё дорогое время тратят!» Я тебе польщу! Мне это запросто. Чуют, что может народиться конкурент! Может и не случиться, конечно, но превентивные усилия не помешают...

Не знаю, как для них, а для меня перед развалом нашей страны, перед неопределённостью во всём: в законах, в работе, в будущем – эти встречи с миллиардерами дорогого стоили! Я это хорошо понимаю. Тем более что один из них сходу меня «просчитал» и обозвал не предпринимателем, не бизнесменом, не

менеджером и даже не посредником... «Фасилитатором». Помните клей «БФ»?

Он ещё говорил: «Чтобы было много денег, как минимум нужно уметь и хотеть считать каждую каплю в сливном бачке унитаза и не уменьшать количество возможностей. Это не главное, но необходимое. Не спешить с принятием решений. Сначала погасить все мелочи (дьявол в мелочах, и их не всякий способен увидеть), а потом уж – за главное! Главное видит любой менеджер».

– Про клей помню, помню и про то, что «главное видит любой менеджер» – очень точно! Только не сообразил ещё, зачем была нужна вся эта катавасия с акционерным детищем?

Ну, это я точно знаю! Во-первых, вышли из подчинения министерствам. Это плюс. Потому как в тебя никто не будет инвестировать, если над тобой куча начальников. У государства остались, это, конечно, минус. Будут иностранные инвестиции – два года не будет налогов... И потом – кардинальные изменения в управлении. Это важно! Под этой «акционеркой» мы сделали аж с десятков стопроцентных дочерних компаний. Сколько было у нас самых важных учёных – разработчиков всего нового, столько и сделали! Теперь они управляли всем процессом от задумки в институте до конструкторского бюро и потом до опытного производства... Это называлось тогда «сокращение сроков внедрения идеи в производство». А ещё были, пусть маленькие, но серийные заводишки по всей стране... Правда, когда большая страна распалась, они ушли от нас вместе со своими новыми странами...

Особенная прелесть была в том, что согласно тогда действовавшим законам, зарплату руководителям определял «трудовой коллектив»...

– *Это те, кто нанят? Жуть какая!*

Тонкость в том, что это действовало только на государственную собственность! Вернее, если её в уставном капитале больше половины. А мы в него вложили все активы государственных НИИ, КБ и заводов... То есть, в его уставном капитале, тоже собственность государственная. Но мы сперва туда внесли чуточку частной собственности в виде личных «ста рублей», и собственность стала «смешанной». Правда доля государства в ней всё равно больше половины – 99,9 процентов. Зато, в дочерних компаниях она на сто процентов смешанная. Во как!

– *Ну и что? Ты этим показал только, что понимаешь, что мешает движению вперед. Как, выполняя законы, обходить их зачастую глупые фрагменты... Хотя фрагмент – это самое лучшее! И в законе, и в человеке! Почему? Да потому что именно мелочь возбуждает фантазию и зовёт тебя обладать и использовать в своих целях хоть изъяны в законе, хоть отдельные черты характера человека, хоть прелестные фрагменты какой-нибудь особы... Ведь истинный характер человека сказывается именно в мелочах. Это как лакмусовая бумажка. Ну, ты должен знать! А почему? Потому что эти мелочи проскальзывают тогда, когда человек перестаёт следить за собой. Это не я, это философ сказал... Кстати, немецкий. Шопенгауэр. Кстати, у вас*

столько законов напринимали, что теперь главное не они, а правоприменительная практика!

Да, о чём это я? Вспомнил! А чего вдруг деньги-то вам давать? Инвестиции... Это же была закрытая на все замки страна!

Про фрагменты Шопенгауэр, может, что-то и говорил.... Но лучше, чем Ремарк, кстати тоже немец, в его романе «Три товарища» – никто! «Женщины определённо-законченные быстро надоедают. Цельно-совершенные тоже. Фрагменты же – никогда».

Про женщин и про законы разобрались. Теперь про деньги. Инвестиции, инвестиции!.. Подайте кто-нибудь!

А вот мы взяли и привезли в Америку на выставку нашу умную технику! А там из нашей страны только тракторы, ковры, ещё какая-то дурь... А от нас – высокие технологии! Только вот одна заковыка. Плыли морем, через Атлантику, случился шторм, техника качалась, качалась и сломалась...

Но наши ребята не пальцем деланные, что-то похожее сбацали. Всё блестит, сверкает, крутится... Не поверите, толпы собрались смотреть на чудо! Подошёл один дяденька ко мне и спрашивает: «Вы что же, на кремниевую пластину напыляете?» «Ну! А что?» – это я придурком прикинулся. «А напыляете при температуре...?» Не помню какую он назвал. А я-то, зная всю эту технологию, отвечаю: «600 градусов...» – И, вспомнив, где нахожусь, – добавил: «по Цельсию». Дяденька не унимался. Я на всякий случай позвал разработчика... «А цвет, цвет подложки кремниевой какой был при этой температуре?» Учёный мне отвечает: «Побежалости»...

Это слово, хоть на английском, хоть на французском я никак не мог перевести. Тогда андроидов ещё не было. Да и там не сыщешь! В общем, на всю жизнь запомнил, как долго перечислял все оттенки...

После этого дяденька вдруг весь изменился в лице и тихо, но внятно говорит мне: «Я из лицензионного комитета конгресса. Буду предлагать снять эмбарго на поставку таких технологий в вашу страну. Смысла нет. Да и не выгодно...»

Во как! Я когда в физико-химическом центре министерства электронной промышленности работал, нас часто навещали всякие большие делегации. Вокруг приборы импортные со сбитыми шильдиками с названием фирмы и страны. Эмбарго! Сложно, через третьи страны покупали... А политическим деятелям только бы очки облучить на нашем реакторе! Становятся затемнёнными. У нас таких тогда не было. А очки-то реальные, с разными диоптриями. Потому и затемнение стёкол разное... А им всё равно!

К чему это я? А к тому, что кроме ума, как Вы говорите, нужно ещё что-то! А то ведь не внедришь в производство придуманное, не сыщешь инвестора и уж всяко не отменишь эмбарго... Зато потом мы купили швейцарские установки для производства микросхем, чистые комнаты для них. Это когда в воздухе четыре пылинки на метр кубический...

– Четыре пылинки... Так можно было бы назвать эссе или роман про всё это! Живи – не хочу! Коли тут всего четыре пылинки...

Примерно так и было. Так казалось...

Только вот он, опять этот чертов август! Август 91-го. Как раз те три дня исполняю обязанности

президента того самого первого в стране акционерного общества. Народ кучкуется, на стенах листовки с разными призывами... В рабочее время, нарушая всё и вся, выпускаю работников через проходную института. Они зачем-то шли на Дворцовую площадь... Думаю, щас ещё «Аврора» бахнет, и все побегут за матросами... Оказалось – опять революция! Мы победили! Кто мы? А вот, как Вы говорили когда-то: «завтра и решим...» Всё-таки меня в пионеры принимали именно на этом крейсере.

Однако через месяц пришла целая комиссия разбирать письмо трёх членов профкома. Мол, я препятствовал волеизъявлению масс трудящихся, загоразивал проход, когда все рвались на свободу... Тогда модно было такие комиссии запустать.

– Профком – это что?

Трудно объяснить. Не скажу! Но только это та организация, которая на перепутье эпох в отличие от всех других, и партии в том числе, сохранила за собой все свои активы – дворцы, санатории и так далее...

Оказалось, врут члены профкома или попросту не помнят. Бывает! Ведь умудрились же двое из них забыть подписать своё письмо!

Вообще, в последующие годы, в девяностые, свежие новости больно давали о себе знать. Зачастую они противоречили старой привычной нам картине мира. А новую мы никак не могли себе представить. Тогда многие по несколько раз вынужденно ломали свою жизнь и потом мучительно искали любую кочку, на которую можно было бы опереться в трясине всеобщей неопределённости. Вокруг были иные люди и непривычные, несовместимые понятия и

эмоции. Газеты с множеством орденов Ленина над названиями ругали Советскую власть... Длинные ряды мёрзнувших у метро плохо одетых людей продавали книги, носки, напильники... А где-то блистали роскошью корпоративы, дурманил запах дорогих лосьонов, хороших сигарет и упругих пачек новеньких долларовых купюр. Криминал, бандиты, чиновники с неизменным «нет» на любую просьбу... Деньги, деньги, деньги...

– Как после французской революции... Тогда многие из тех, кто делал эту самую революцию, сгнули, как ветром снесло... А почему? Для них это всё было «общественной работой», одна мотивация активности! Без личной выгоды. Потому и безрезультатно. Для них!

И у нас многие к таким поворотам судьбы были не готовы. Не было в их жизни «качелей судьбы» или хотя бы этой самой, «общественной работы». Когнитивную ригидность приходилось гасить. Одни заливали душу алкоголем. Другие, наталкиваясь на разбросанные повсюду завлекающие игрушки, ринулись в бизнес. И те, и другие потом пополняли своими надгробиями городские кладбища.

– После революций, Бориска, всегда так! Бардак! На поверхность всплывает всякая нечисть, и многие, очень многие делают глупости.

Мне пришлось четыре года скрываться от этой нечисти, сначала в Англии, потом в Америке...

Вот именно! Тогда все, кто хотел сразу вдруг разбогатеть, даже не догадывались, что только пять

процентов от всех людей на планете могут заниматься предпринимательством. Тогда не знали, что бизнес может породить дружбу, но дружба бизнес – никогда! Они переносили в новую неизведанную среду обитания привычные человеческие чувства: обиду, ненависть, любовь, зачастую по привычке одной рукой брали то, что плохо лежит, другой – тут же отдавали первому встречному жулику, выбрасывали деньги, чтобы «не пропали»...

И вот опять август! Ну, что ж это он такой кризисный, этот последний месяц лета! Только теперь Москва. Идет заседание Правления большой компании. Обстановка нервная. Решение не принять! Одна из собственников, кстати, художник, никак и ни с чем не соглашается. Делаю перерыв и на коленях умоляю её покинуть заседание Правления: «Ну, пожалуйста, красавица, делегируйте своё право голоса кому хотите! Только покиньте нас, оболтусов».

Уговорил! Вышла. Спокойным голосом спикера продолжаю вести Правление. Все даже рассмеялись от неожиданности!

– Правильное решение! Единственное вложение, которое ничего не стоит, но приносит большой доход – это лень! Уж я-то знаю!

Правильное-то правильное... Только не прошло и получаса, как вдруг входят трое. В военной и почему-то в полевой форме, в пилотках и с автоматами. Полковники, между прочим. Прямо как в анекдоте, сейчас спросят: «Ты за красных или за белых?» Тут чуть иначе было: «Всем на пол, руки за голову!»

Ну что же, вышли мы из-за стола и улеглись прямо на ковре. Я его покупал! Специально красивый

выбирал. Как чувствовал, что когда-то придётся вот так полёживать. И что, интересно? Чего вдруг, что называется, наехали-то? Оказывается, мы из другого города, а в Москве можно находиться без регистрации не больше трёх дней. Во как! Ничего другого не придумали. Мозги-то засохли. За всех решает «рынок». Понадобилось кому-то, понимаешь, компанию прибрать!

Ну, с такими всё просто. В начале девяностых так зарабатывали на жизнь «купленные» силовики. Придут, гордо покажут удостоверение на цепочке. Тут самый лучший способ – надеть очки, лучше тонкие такие, с круглыми стёклами, взять авторучку, простую очень-очень, и аккуратно, то и дело поправляя очки, начинать записывать данные из удостоверения... У силовиков узкая специализация. Шаг влево, шаг вправо – нарушение! Ведь силовое же ведомство! Можно только то, что предписано документом. Для них документ – это всё! Может, поэтому они и зарабатывали, демонстрируя именно своё удостоверение. А эти вообще оказались из другого района. Короче, сразу убегают! Начальство узнает – выгонят с работы или заткнут куда-нибудь надолго.

– Значит, делиться с начальством ещё не научились...

Вот и теперь – встаю, руки вверх держу и говорю: «Разрешите доложить, товарищ полковник». Полковник удивился, наверное, подумал – «свой», сейчас всех сдаст, и кивнул в знак согласия. Меня всегда считали кем-то таким, как минимум из народного контроля. В аэропорту, полагая, что их проверяют, в свою очередь дотошно проверяли мой багаж.

Достал я из широких штанин «дубликатом бесценного груза» – кучку билетов на электричку из Москвы в Московскую область «туда и обратно»... Мол, мы в среду все выезжаем из столицы. Так что живём в Москве не долее трёх дней. Уехали, потом вернулись и ещё два дня пробыли, а в пятницу на самолет и в Питер. А потом холодным голосом чиновника скороговоркой продолжил: «Соответствующее письмо с приложением копий билетов направлено в мэрию. Входящий номер 528-р от вчерашнего числа. Копию можно получить в нашем секретариате после официального запроса от руководства вашего военного округа». Всё наврал, конечно!

– Прелесть! Только помнить надо: ложь такая прекрасная вещь, что не стоит ею злоупотреблять! А правду, кто-то умный сказал, следует подавать так, как подают пальто, а не швырять в лицо, как мокрое полотенце.

Ну что Вы! Всё по правде! Билеты настоящие! Ребята специально покупали каждую неделю... Но каков эффект!

Слушайте, ни слова не сказали, бойко развернулись и ушли. Понятно, нужно посоветоваться...

А недавно, год назад, ой как вспомнились эти «коррупцированные наезды» девяностых. Я заказывал в Питере новый загранпаспорт. Тут было всё наоборот! Всех просителей выстроили вдоль стены. Принимают только 50 человек с заполненными анкетами... Я 45-й. А мимо то и дело проскакивают «блатные», неотвратимо увеличивая мой номер в очереди. Однако спасает всё та же неумная коррупция. В начале очереди стоит молодой полковник

МВД, ну очень молодой, и выдаёт номерки для сдачи документов в специальное окошко. Напоминаю, номерков всего 50! «Блатных» уже человек семь прошло... Но полковник каков! Голова! Смотрит анкету у обычного из очереди и видит – запятая не там! Этот человек, видимо, дома сам заполнил документ, а не в окошке рядом с очередью за 2500 рэ. Пошёл вон! А мне плюс! Остаюсь 45-м! Но ктож молодца с тремя большими звёздами на погонах поставил на такой важный пост? Никогда не узнаете!

– Столько лет прошло! Ещё бы. Делиться уже научились... А как в вашей партии было с изгнанием? За что выгоняли и куда? Партии чем-то очень похожи на церковь... Не приходилось задумываться?

Меня вот однажды даже от церкви отлучили! Потом, правда, вернули... Ничего про ваши партии не ведаю. Только на человеческом языке, пожалуйста!

Мне ведь важно не то, как это было в вашей партии. Интересно другое. К чему ты привык...

В отличие от «силовиков» в партийном аппарате было иначе. Тебя, конечно, могут, что называлось, «бросить на гвозди», но в очень редких случаях. К примеру, когда ты женатый и загулял. Но какова логика ветеранов из КПК! Оцените! Ведь «потом придётся алименты платить, а они из твоей зарплаты, а она, в свою очередь, из партвзносов коммунистов... Некрасиво получается! Аполитично». Ещё – если ты просто ничего не делаешь, а только ждёшь получения квартиры быстрее, чем в общечеловеческой очереди. Именно за это при мне выгнали парня, курирующего медицину в районе. Ночью, будучи дежурным по райкому, он просто взял и снял трубки

всех телефонов, мол, заняты... Ну, как вы говорите, debil! Даже трубку с телефона Смольнинской АТС снял. Убрали товарища в тот же день, а заодно и того инструктора орготдела, который месяц назад визировал постановление о его утверждении в должности. Логично! Сейчас не так! Посадили военного или чиновника, а год назад кто-то ведь визировал приказ о его новой звёздочке или награждении к его юбилейной дате... И ничего. Все как с гуся вода...

И всё-таки бывало, увольняли за конкретное дело. Редко, но бывало. Да и то верно! Какое такое дело? Прав-то у тебя никаких нет, чтобы их нарушить. Ты же просто посредник между членами партии и партийным органом. Вы правильно сказали! Партия как церковь! Это как священник. Только тот посредник между церковью и паствой... Однако твои права, в отличие от священника, мгновенно материализуются после того, как на твоей записке сверху слева появится одно словечко «Согласен». Особенно если в конце тобою написано: «Полагал бы возможным назначить на должность...» Другие слова: «необходимым» или «целесообразным» – зависят от степени рискованности твоего предложения.

– Это ж сколько деньжищ сейчас в ваше коррумпированное время можно было бы поиметь за такую записочку! Твоя должность имела бы приятное ухо чиновника прилагательное «коррупционноежка».

Нам тогда ничего не давали. А сейчас, наверное... Так вот, нужно было умудриться трижды так переписывать свою справку, «обосновывая» предложение, что на ней в том же месте, наверху слева, всякий раз появлялась резолюция секретаря обкома

или райкома: «Не согласен». Твоя справка? Твоя. Значит и отвечать тебе! Ну, раз ты такой несмышлёныш, милости просим обратно в науку, мэнэсом в ту же организацию, откуда пришёл. Или сидишь ты, к примеру, в президиуме какого-нибудь действия. Бодрствуешь безмолвствуя. Иначе говоря, «мордой трясешь». Выступает кто-то очень большой и умный с трибуны. Ему задали с места вопрос: «Говорят, Пельше умер?» И он ответил... Но не так! Не так, как надо бы... Всё! Выступающий и ты, ты же ответственный работник, – до свидания!

– *Пельше-то что за тип?*

Член высшего органа управления правящей тогда партии. Председатель КПК.

– *Это той, что про алименты с партийных взносов говорила?*

Она, родимая. «Комитетом партийного контроля» называлась.

– *Это всё про аппарат, а как же руководители предприятий или организаций? Они же наверняка были все членами вашей партии...*

Конкретный руководитель – это сложная задача! Он может быть ещё и членом высшего органа управления партией. Такой подойдёт в коридоре к твоему начальнику и что-нибудь ляпнет про тебя... Мол, ваш новенький ходит по цехам или по кафедрам и мешает работать! А чаще не сам скажет, а умудрится сделать это изощренно, с лоском!

Письмо придёт секретное из районного КГБ, мол, такой-то сотрудник партийного аппарата вместо партийных собраний посещает заседания кафедр, собрания в цехах и тем самым затрудняет проведение контрразведывательных мероприятий на объектах района...

Другое дело те, кого ты «курируешь». Вот если треть секретарей парткомов из курируемых тобою организаций соберутся и совершат, скажем так: существенное нарушение норм общественной морали. Случайно, конечно! Но теоретически такое возможно. А теперь самое главное! Тебя выгонят с работы только в одном случае. Если ты при этом отсутствовал! Бездельник, понимаешь! И всё это на фоне очень частых «встреч» коллег из других районов или областей. Где-нибудь в бане или в гараже. А это человек пятнадцать, и каждый скажет аж по три тоста. Это ж сколько нужно выпить! И поднимать стопочку нужно не просто так, а как положено... Как всякий выступающий где-нибудь на пленуме. За пять минут нужно умудриться процитировать генсека не менее двух раз и чтобы всякий раз цитата была к месту! Как анекдоты. Они же хороши, когда в тему! А когда отменил Горбачев алкоголь, пришлось коньяк пить из стаканов в подстаканниках... Не трудно догадаться – почему? Волю «масс» не остановить! Это я в августе 91-го надолго усвоил. Запах, конечно, другой, цитировать не нужно, да и тосты как-то неуместны, а эффект всё равно прежний.

– *Да уж! Ваши заморочки глубоко партийные, конечно, интересны и, как ты говоришь, забавны. Но в любых условиях нужно находить оптимальные правила*

бытия! Цитировать так цитировать! Два раза так два раза! Главное понять, что можно, а что делать не стоит. Себе дороже!

Разумно было бы почаще говорить себе: «Изменить я этого не могу, остаётся извлекать из этого пользу».

Согласен! Но что за жизнь у меня такая! Каждый год одни кризисы на памяти! Я тут посчитал. Их за двадцать лет набралось аж 12! В разных странах, на предприятиях разной формы собственности и специализации. Хотя... Наверное, это не жизнь, это я такой. Как Вы говорите, «генетический кризисник». Случись что, я тут как тут! Всегда и везде объявляюсь, когда жуть какая-нибудь возникает. И ведь никакой рекламы! Типа «Делаю офшоры...» или «Помогаю в кризисах». Главное, чтобы сами как-то нашли и попросили. Да и не умеют ведь! Просить не умеют. А дальше, хоть тебе-то всё уже давно ясно, но только не им – «носителям проблем»! И как их убедить делать то, что ты давно уже придумал? Это на грани науки и искусства. Секрет в том, что ты никем не управляешь. Никто тебя не будет слушать! Хотя сами просили помочь. Посоветуешь – наймут ещё десяток советников, дабы перепроверить. Начнёшь «приказывать» – только посмеются. А нужно так сделать, чтобы они сами догадались!

– Ключевое слово «помочь». Опять эта безудержная пахота на ниве безденежья!

Помнишь? Если бесплатно, то эффект – ноль! Или, как ты говоришь, «фига»!

А ты небось денежки только в конце получал. Что называется, «от суксе». От успеха, по-вашему. Если

получал, конечно! А то ведь как попросили помочь, так же легко и «спасибо» скажут...

Дружба, любовь, обида, помощь ... – это всё в социуме, в государстве. В бизнесе всё просто и цинично до невозможности. Ничего личного!

Как в любом бизнесе, а в кризисном тем более, – это нечто среднее между дружбой и консьюери. В кризисе управление не людьми, а отношениями их друг с другом и меняющимися ожиданиями. В этом деле главное – не принимать решения! Они уменьшают количество возможностей.

Я тут специально посмотрел... В словаре англо-французском написано: «Друг» – это тот, кто выслушивает твою проблему, потом они вместе думают, как из неё выйти, и вместе выходят...

Теперь смотрим «консьюери». Ох уж эти англосаксы! Леня пронзает всё насквозь! Хотя нет! Это не леня!.. Те же слова, что для слова «друг». Только в конце написано «за деньги»! Весь вопрос, когда и как их получить?!

А то вместо денег получишь: «Спасибо, БФ»!

Было и такое! В любой жути нужно уметь отыскать плюсы! И не в кубышку красивую складывать, а использовать для мотивации своей активности и вообще всех участников проекта. Иначе самому не выжить и чьё-то предприятие из кризиса не вытащить. Это так же, как в живой природе. Там свой «кризис». Красиво улетают птицы. Порыв ветра разбавляет терпкий аромат увядания. В воздухе целый рой опадающих листьев. Начало осени... Ещё немного, и – зима, всё замерзнет... Отчаяние!

– Начало осени... «...Как свежая вода. Омывшись в ней, все мысли обновятся...». Знаю, знаю... Такубоку

сказал... Чувствовал великое предназначение кризиса.

Вот-вот! Нужно чуть-чуть подождать, рискнуть, помечтать, поверить... И кризис разрешится. И сразу, минуя зиму, наступит весна. Набухнут почки, сквозь жёлтую листву пролезут первые цветы, всё оживёт и расцветёт чудесными красками...

У Ахматовой есть: «После отчаяния наступает покой. А от надежды сходят с ума». Так и в кризисе, минуя холодную зиму, приходит весна, снова всё расцветает, и становится спокойно на душе... А надежда... Вера, Надежда, Любовь... Это про другое!

– Да ты поэт, как я посмотрю... А ещё – артист и шельма!

Это не я, это кризис такое красочное и разностороннее явление! Здесь не место ни дружбе, ни любви! Это живое, как сама природа, неповторимое единение партнёров – ярких личностей, где каждый обладает уникальными способностями, своей философией и системой ценностей. Именно поэтому иногда они бывают так нетерпимы друг к другу. Тем более что на заре нашего капитализма многие думали, что главное в партнёре – его деньги! И это, конечно же, порождало кризисные ситуации для всего их бизнеса. Тем не менее партнеры встречаются вновь и вновь и ради общей цели объединяют своё время, деньги, знания, опыт и частички души... Особенно если их кто-то примирил...

Но конкретные проекты – это отдельная история, узкоспециализированная и конфиденциальная вещь, совсем не терпящая гласности. Здесь я продолжаю

вспоминать просто мои жизненные ситуации, очень сильно пахнущие чем-то плохим и похожим на кризис.

– Да я уж понял! Всё, о чем ты рассказываешь, – это называется «жизнейские заморочки». Кризисы – нечто иное. То, что может деньги принести! А может и не принести... Но ты об этом ни-ни! Также правильно.

В 96-м опять Москва. И опять лето... Только теперь с терактами на Тверской и в троллейбусе у кинотеатра «Россия». Одна из выходящих пассажирок на остановке передала дураку «забытую» кем-то в салоне сумку... Конечно же, я рядом! По скверной привычке утром перед работой гуляю в скверике около кинотеатра и мучаюсь вопросом, как же все-таки примирить на этот раз троих бывших друзей, сдуру решивших стать акционерами созданного ими банка, а заодно и сам банк спасти – не платить мошенникам по липовому векселю? Хорошо – не задело!

Позднее нечто похожее происходит в Питере. И надо же, как спланировали, гады! Именно когда я проезжаю мимо «Техноложки». Смертник пронёс бомбу в вагон поезда и подорвал себя сразу после того, как машинист отъехал от станции. В общем, мой поезд приехал на «Техноложку», а тот отъехал. Правда, мой был на другой линии. Всё равно! До сих пор нет-нет, а чувствую якобы «несуществующий» запах гексогена...

– Послушай. Не надо мне про взрывы и убийства! Это слишком просто и неинтересно. Знаешь, сколько

раз меня пытались устранить? Не знаешь! Один я знаю... Потому что силы, желавшие моей смерти, были разные и друг с другом не связанные. Покушение больше, чем на меня, пожалуй, было только на коммуниста Кастро, того, что на Кубе...

Хорошо. Не буду. Ещё только один раз... Потому как в том же году, и опять-таки в августе...

– *Снова революция, что ли?*

Да нет! Теперь Барселона. И пока только снова взрыв... Ну, просто совсем рядом с домом, где я жил. Поэтому и вспомнил. Даже стёкла в окнах загнуло. А уже через месяц под этими же окнами полиция из Мадрида водомётами и резиновыми пулями разгоняла очередь голосующих на референдуме за независимость Каталонии. Всю ночь в ушах вой сирены машин скорой помощи... А я их предупреждал со своего балкона! Специально выучил фразу. «Незаконный референдум, не согласованный с Мадридом». Наверное, подумали, давай, как в Крыму... Там не с кем было согласовывать! Власть в Киеве после госпереворота была неправомочная. Объясняй им, не объясняй, эффект один – «Фига!» Уж больно пассионарный народ. Даже на демонстрации ходят с собачками. Однако окна мои полиция водометами помыла... Так, между прочим, случайно. И это плюс!

Уже в следующем году умудрился я присутствовать во время жуткой трамонтаны в Перпиньяне и урагана «Лесли» под Лиссабоном. Честно скажу, не хотел! Помню, моя машинка несётся по автостраде между падающими и уже поваленными деревьями

и подпрыгивает как блоха. И только один простой до невозможности вопрос гложет моё сознание: «Есть справа от меня огромная фура или её там уже нет?» Жуть! Ваш Наполеон не зря постановил: «Если во время трамонтаны произошло убийство, то таких убийц не казнить!» А ураган с красивым женским именем «Лесли» прошёл чуть севернее того места, где я жил, километров на двадцать...

Ах, да! Двадцать! Вот и двадцатый год! То ли высокий, то ли мой, юбилейный... Здесь, в испанском королевстве, как общий несменяемый фон бытия, уже который месяц грохот кастрюль. Это рядом, в Барселоне, опять демонстрации. Опять хотят независимости. Перекрыт проспект «Гран-Виа». Ночью, как и три года назад, жгут авто и мусорные баки. В воздухе снова пахнет «духами»... Миллионы жителей с разноцветными шариками, и стуча сковородками, несколько дней топают в Барселону со всей Каталонии... Ну, эти хоть со своими туалетами! Этакое соединение упорства с принципиальной, внутренне мотивированной презумпцией ненасилия.

На два дня улетел в Париж. Хотел найти улицу с Вашим именем... Так там «жёлтые жилеты»! Оккупировали, понимаешь, Елисейские поля, а ночью, как и в Барселоне, одинаково настырно жгут и авто, и магазины, и мусорные баки... Ну, куда утомившемуся пенсионеру-кризиснику укрыться? Может, хочешь в музей? «Фига!» Лувр и Эйфелева башня закрыты, Нотр-Дам после пожара так и стоит без шпилья. Вместо него какой-то кран торчит. Того и гляди упадёт... Весь транспорт бастует. Утром люди идут на работу по грязным тротуарам плотными рядами, как зэки на зоне...

– *Вот про Париж не надо! Это святое! И я помолчу... А то, понимаешь, «зэки на зоне»!*

Ладно! Не буду. Но про скверик с памятником Монтеню не могу не сказать! Это напротив здания Сорбонны на улице Эколь, рядом с улицей Сен-Жак. Монтеню! Тому самому! Основателю жанра эссе, где изложение подчиняется прихотливым извилинам мысли и впечатлений. И у кого, как в истинном произведении искусства, форма обязательно побеждает содержание. Хоть так в Париже скрасили место, где была церковь, в которой у своего дяди-священника жил Франсуа Вийон и где был похоронен великий сказочник Шарль Перро... Но «неправильно повернутая» церковь и могила Перро... Теперь там просто скверик!

Мой обратный рейс отменили. Мол, ты же любишь бардак и неопределённость! Вот и любуйся, балдей и купайся в них! Пардон... В Париже.

Наконец вернулся в королевство. А тут ураган. В отличие от португальского этот «Глория» называется. Трещат и падают деревья, рядом от удара молнии горит лес... Всюду шумят и мигают огни спецтранспорта. Ни света, ни тепла, ни мобильной связи... Дождь заливает всё, что возможно. Даже крышки люков выпрыгивают из-под асфальта дороги. Ничего так?! Однако я успел переставить своё авто подальше от дерева. Вовремя! Через полчаса дерево упало. Разве не плюс?!

Только убрали поваленные деревья – другое безобразие! Пандемия! Выход на улицу – полторы тыщи евро! В магазин и аптеку – только один и только в маске и в перчатках! А их нигде нет... Во как! Это значит – отдай шестьсот! Я видел у соседей

такие бумажки с штрафами. Вернулся домой – жди две недели! Вдруг «Он» всё-таки вцепился в тебя и теперь настырно лезет прямо в лёгкие, обманывая всех и вся на своём пути. Только пёсик и выручал. С собачкой можно. Но не дальше 300 метров от места проживания. Поехал в аэропорт встречать родных, текст специально на испанском напечатал и подписал. Мол, еду встречать родственников с рейса такого-то, прибывает тогда-то... Выходить из машины не буду. Напечатал вчера, а еду сегодня! Рейс перенесли на сутки. Посему авторучкой исправил дату. Останавливают. Даю бумагу через окошко. Смотрят, смотрят... Показывают на исправление. Как же одинаков этот мир документов! Беру у них моё письмо и ставлю свою подпись рядом с исправлением даты в двух местах. Сразу закивали головами и бумагу мою забрали. А как же! Документ! Силовики!

Собрался в Питер лететь. Третий раз отменяют рейс. Не дожидаться! Придётся пешком с чемоданом переходить границу где-нибудь под Нарвой. Так ведь опять эти ужасы! Именно в это время магнитные бури, парад планет, полнолуние и тут же лунное затмение. А главное, и это плюс, только в эти два дня июля в Таллин пускают пассажиров из Барселоны без двухнедельного карантина где-нибудь в госпитале и за свой счёт.

Вот так постепенно сползали мы в нечто, похожее на «микромир» с его принципом неопределённости Гейзенберга и особенностями пространственно-временных отношений. Конкретное состояние «здоров – то есть без симптомов COVID-19» существует лишь во временном интервале. Вне его в любой конкретный миг твоё состояние становится

совершенно неопределённым. А если система, тем более биологическая, в конкретный момент имеет хотя бы два физически различных состояния, то векторы развития этих состояний становятся бесконечными и... практически неуправляемыми. Но какой приятный звук монет на сдачу, брошенных в чашку со спиртом. А запах!

– Это что-то слишком заумное, я бы сказал... А вообще, какой-то сюр! Вот-вот поднимется тяжёлый пыльный занавес, и начнётся следующий акт всеобщего представления. Какого? А конец «плохого» почти всегда начало «хорошего»! И в словах, и в жизни. ПлоХОрошо.

Да, но только не для меня!

Конкретные проявления ужасов первого десятилетия после распада страны, когда многие уходили из жизни или теряли себя, ураганы – «Лесли» в Португалии и «Глория» в Испании, трамонтана на французской стороне Пиренейских гор, «жёлтые жилеты» в Париже и миллионные демонстрации в Барселоне за независимость Каталонии, потом пандемия... Всё это в прошлом. Теперь другая напасть. Жара!

Уже два месяца днём 38! Почти как когда-то в 90-м у меня в поезде «Ленинград–Москва». Только там это было у меня внутри, здесь – снаружи. Надо сказать, что при всём ужасе это интересное явление. Солнце высоко и оно своими лучами пронзает всех, не то что вирус! Раньше со мной никогда такого не было. Голова как бы есть, но только для того, чтобы есть, пить и дышать.... Ничего другого!

Во-первых, она не чувствует запахов. Да их и нет вовсе. Высохли... Испарились. Если выйти на улицу –

вокруг ничего нет кроме яркого солнца! Слух. Ну, это отдельная история! Смотрю кино на ютубе и не могу понять, что сказал артист. Возвращаю назад несколько раз! Нет! Всё равно не понять! То ли я не слышу, то ли сегодняшние актёры с такой дикцией. Наверное, и то, и другое! И ещё – болит голова перманентно. Причём как-то необычно. Такое ощущение, что пересыхают кровеносные сосуды, и кто-то царапается, пролезая сквозь них. Должно быть, красные кровяные тельца... Совсем как в этом году реки в Европе. Сердце ещё умудряется проталкивать кровь сквозь узкие извилины сосуда, но это уже болезненно. В первую очередь, конечно, это те сосуды, что в башке. Почему именно там, а не в руке или ноге, например?

Здесь опять всё продумано! Природоподобные технологии в действии! Ноги и руки нужны мелким и совсем невидимым мошкам, каких тут целые полчища. Стоит только выйти на воздух, и они тут как тут. Впиваются в тебя, и уже через минуту руки и ноги чешутся, и появляются волдыри. А на башке куда впиваться?

Неимоверными усилиями воли больная голова вспоминает известный факт о том, что насекомых и муравьёв на планете в несколько раз больше, чем людей, и по весу, и по количеству. Более того, именно сейчас у них, как назло, брачный сезон. Размножаются, гады! В лесу только и слышишь, как жучки с характерным треском крыльями машут, звуками завлекая самок. Они и в жару могут. А человеку что остаётся? Сиеста – спать!

Спать-то спать, но меня, например, уже много лет бесит то, что когда я просыпаюсь, мои тапки лежат на полу, повёрнутые носками в сторону кровати. Это

очень плохо! Попробуйте утром изловчиться и повернуть тапки, не нагибаясь. Практически нереально! Разве не похоже на кризис? И ведь не сломать укоренившуюся десятилетиями привычку! Казалось бы, чего проще – сядь на кровать, вынь ноги из тапок и ложись спать. Так нет же! Привычка совсем другая! Сразу бухаться на кровать, не садясь. Точно знаю, не стоит менять привычки в этом возрасте! Если курил, например, то и дальше кури. Получишь больше негатива, если вдруг возьмёшь и прекратишь это вредное занятие. Конечно, можно перейти на электронные сигареты, но чтобы совсем бросить... Даже и не мечтай.

Я не был бы специалистом по управлению кризисным проектом в условиях внешней неопределённости и разрушенных отношений между всеми его участниками, если бы даже в такую жару не придумал бы выход из кризисной ситуации с тапками. Привязал своего пёсика к скамейке у входа в китайский магазин. Выбрал похожую на ту, что стоит около «мельницы» в моей усадьбе. Пёсик от непривычной ситуации заплакал. Но скамейку вспомнил и чуть успокоился. Потом опять заплакал, когда я пошёл в магазин. Поэтому я несколько раз возвращался к нему из магазина и для формирования положительного рефлекса гладил его по головке. Короче, купил вторые тапки, принёс их домой и положил у кровати так, как мне было бы удобно утром.

А!? Во как! Ум не пропёшь! Утром встаю, на первые тапки – ноль внимания! Засовываю ступни в правильно расположенные вторые... И счастье переполняет моё естество! Потом, на досуге, я, разумеется, поверну первые тапки пятками в сторону кровати, а те, что на мне, ложась спать, опять брошу как обычно.

– Похвастался! Не удержался. Проблема, тоже мне! Если все остальные такие же, то мы слишком долго будем тут восседать, вникая в твои заморочки! Это всё равно, что пить дистиллят вместо... да хоть и вашего тива!

Скажете, пустяк! Не стоит, прошу Вас, даже и не произносите это слово!

В условиях, когда весь мир стонет от мирового кризиса, нужно обязательно искать крупицы радости в сплошном негативе. Возьмём, к примеру, бензин. Да, он теперь стоит здесь 2 евро за литр, а три месяца назад было полтора. Однако пока как ездили, так и ездят. Радость и удобство езды на своём авто не убрать! Прошло полгода, и уже 1,8 евро... Не хочешь на авто – иди в метро. Там увидишь много интересного. Почти как в музее. Под землёй холодно. Там в вагонах гробы с умершими от жары, которых не успевают кремировать или замуровывать в стену на кладбище. Ещё в пандемию научились, понимаешь, решать вопрос!

Теперь электричество. Включённый кондиционер жрёт примерно 60 евро в месяц, а включённое отопление зимой – 150! То есть кондишен можно не выключать вовсе! Это плюс! В бассейне под балконом вода градусов 25–28. Туда бесполезно! Это минус. Тогда – душ! Там холодная вода. Но вырубил воду. Перекрыли вообще. Авария! Зато у меня на балконе есть десять пятилитровых банок с водой! А как же! Вдруг... Повторяю, я генетический кризисник, а не просто так. У отца на балконе всегда лежали соль, мыло, спички и ещё что-то. Думаете, на случай войны? А вот и нет! Там был ещё длинный металлический шнур с узлами по всей длине и

рукавицы. Шнур прикреплен к петле в кирпичной стене, сохранившейся ещё с тех пор, когда к ней крепили леса вокруг нашего строящегося дома. Пятый этаж, однако...

В кризисе так всё плохо, что если не сыщешь хоть чуточку позитива, не исправишь ситуацию... Ещё в детстве мне рассказывала мать, как в эвакуации в детском доме она накладывала в тарелки детям еду, чуточку оставляя на запас. А потом спрашивала: «Кому добавки?» Все тянули руки вверх и радостные уплетали «добавку».

Когда всё на минимуме, маленькая радость может горы свернуть!

– Вот, давай-ка поподробнее про родителей! А твоё прозвище «генетический кризисник» недостаточно обосновано. Детские фрагменты – красиво! Пока всё укладывается в заданную в них будущую, как ты говоришь, конфигурацию отношений. И ещё. Такое ощущение, что ты занимался поиском и накопительством этого самого «плюса» в кризисных проектах. Вместо того чтобы их разрешать.

Мой отец за свою жизнь принимал столько решений! Мне и не снилось! И когда в самом начале войны, не слушая начальников, посадил жену и грудного ребёнка в вагон какого-то эшелона, явно идущего на восток... А вокзал в Двинске уже бомбят... И потом, когда под этим же городом его, раненного и контуженного, без документов и без гимнастёрки взяли в плен и везли на запад в эшелоне... Там было много таких пленных. Говорят между собой: «Москву, Ленинград возьмут, – нас отпустят!» Дебилы!..

Выпрыгнул он с этого эшелона. Не зря имел знак «за 100 прыжков с парашютом»! Потом пробирался аж пятьсот километров к своим... Но нарвался на заградительный отряд. Не поверили! Поставили к стенке. Тогда он разорвал сапог и достал свой партбилет... Немцы в начале войны с пленных сапоги не снимали. Муторное занятие!

С уважением, дорогу показали, куда идти. Сел в поезд на Ленинград... И вдруг как прозрение какое-то! Под Гатчиной взял и опять выпрыгнул из поезда!

– Правильное решение! Без документов, без своего звзда... Или кем он тогда командовал?... Не в заградительном отряде, так в Ленинграде шлёпнули бы.

В общем, партизанил он. Когда вышли к регулярным частям, он, как начальник штаба отряда, готовил наградные документы... На его представлении, подписанном командиром бригады, опять-таки слева сверху наискосок: «Был в плену. Искушал свою вину». Ну то есть – «Фига!»

Ладно, разговорился! Это я про генетику...

Но что это?! Опять, как в девяностые, враги поперли! Погас экран планшета и на его чёрном фоне белые волны... Даже перламутровые какие-то и расходятся в разные стороны. Будто камень в реку бросили... Смотрю, и одна только мысль скребётся и царапается в большой голове. Кто-то очень ушлый усердно всё стирает из памяти моего компьютера. Жалко! Там столько заметок, очерков и прочей чепухи, так милой моему сердцу. Там начало сложного «нечта»... Долго переживал этот очередной ужас! Пока не сообразил, что на экране отражается вражающийся под потолком вентилятор.

Чтобы понятно было, это я всё про голову и про жару. Вот так же недавно, после начала спецоперации в Украине, смотрю в окно, а внизу около бассейна собрались человек двадцать, показывают на моё окно и говорят, говорят, говорят... Я не очень-то понимаю, что они говорят, но показывают точно на меня! Я даже присел от неожиданности. Да! Это минус! Полдня ждал, что придут за мной. Потом узнал. То было собрание жильцов и они показывали на дом, где я живу. А окна моей квартиры крайние, самые близкие к собравшимся внизу. Попробуй, сообрази! Европа, жара, война, визы не дают, выданные отнимают... Я даже когда гуляю с пёсиком, это до семи утра, когда всего двадцать восемь градусов, иду, прихрамываю и говорю с собачкой только по-французски... Не всегда, конечно! Когда мимо проезжает местная полиция. А недавно стал ещё полтенце с собой брать. Думаете, пот вытирать от тревожных ожиданий? Мол, платка носового не хватает. Не догадались! Помните, я же про жару начал говорить, как об очередном ужасе. Так вот! Жарко, с сосен капает смола... А я сподобился два кресла найти и утащить в лес, поставил их сбоку от тропинки, под соснами. Мне и моему пёсику. Подходим к креслам и сходу плюхаемся в них. Дружок подставляет голову чесать.... Это святое. Не до мелочей! А они тут как тут. Смола на спинке кресла прилипает к волосам, и её сразу не почувствуешь. Зато дома, после душа не расчесать волосы на затылке!

И так во всём! Дьявол, он ведь в мелочах. И относиться к ним нужно соответственно. Так, как нас учили в школе, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

– Бог мой! Как у тебя всё затуплено! Исковеркано, разорвано и обнажено! Смола, тапки, мошки, люди под окном... Но я хоть понял, почему твоя активность была связана с неопределённостью в отношениях у владельцев кризисного бизнеса и с неприятием решений... Любое решение уменьшает количество возможностей! Тем более что этих самых решений у тебя в семье уже перебор!

Да! Вы правы. Я вообще изумляюсь, как умудряюсь справляться со столь частым недоумением! Недоумение есть, а решения – нет! То, понимаешь, около Барселоны ландыши на деревьях, то где-то там же земляника... То в местном лесу чернокожие заготовители веников для бани что-то лопочут по-русски. А в городе тротуары розового цвета и втрое шире мостовых... То в Андорре смотрю в окно – горы напротив! Через минуту – нет ничего! Спускаемся на автобусе во Францию, туман, не видно ничего... А вокруг скалы, обрывы... И водителя нет! Нет, и всё тут! Жуть! А это автобус такой – пассажиры все на втором этаже. Пока сообразишь!

То самая узкая улочка в Латинском квартале, всего полтора метра, и там же после отмены забастовки транспортников на входе в метро около Мулен Руж гулко колышется огромная масса людей... А ещё вчера, понутив головы, они столь же плотными рядами, топали по тротуарам на работу. То вдруг вижу, сидит себе на стульчике на набережной Сены мужик, значки с Лениным продаёт. Вылитый бывший каталонский лидер Пучдемон!

– Теперь ещё и ландыши, земляника, веники какие-то, Пучдемон... Ну не надо про Париж! Не нужно туда лезть! Тем более в Латинский квартал.

А мне в школе, когда изучали Париж, достался именно Латинский квартал. Я там все закоулки и дворы знаю, не то что Сорбонну, Люко, Пантеон или кафе на улице Юшет, где питался Бонапарт, ещё будучи младшим лейтенантом артиллерии.

Но не устаю изумляться! Пять согласных подряд... Да в одном слове! Как раз то, чем я занят – безмолвствуя бодрствую. Или вот, под Лиссабоном, на берегу океана: песок, пляж, осень, никого... Метрах в десяти от воды прямо по песку и вдоль всего берега проложена узкоколейка. Зачем? И стрелка даже есть! Одна на всю железную дорогу. Опять-таки зачем? Ведь нет никаких других «путей»! Тем не менее к ней привинчена табличка с номером. Может, он всё и объясняет... «13»! Именно здесь, как Вы говорите, 300 миллионов лет назад отвалилась и отошла плита земной коры. Она теперь Америкой называется...

– Послушай старика! Это у тебя болезнь! Какое-то стрелки, земная кора, согласные буквы... Надо тебе на какой-нибудь остров и там просто дышать. Вернее, вдыхать ароматы цветов! Только не на Святую Елену...

А ещё у нас с пёсиком есть скверная привычка, всё та же привычка в сиесту или спать, или прогуливаться по скверу рядом с пляжем в Ситжесе.

– Слушай, тебя не остановить! Какой-то поток не пойму чего!

Но это не сейчас! Это раньше было, ещё при пандемии. Прилегли мы вздремнуть на песочек. Тёплый ветерок с моря...

Проснулся, и на тебе! Прямо передо мной голые донельзя женщины! Человек десять, точно сразу не скажешь. Тоже, понимаешь, загадка! Сейчас поймите, почему. Ровненько в ряд улеглись на песке, то и дело нарушая установленную дистанцию в полтора метра друг от друга. Лежат попами кверху и с маской на лице с ушными петлями за ушами. Загорают... Успокоился и сообразил! Просто считать нужно по головам, а не так, как я начал, по ногам или по ягодицам. Пока догадаешься...

– Вот здесь поподробнее... А то всё взрывы, жара, комары, трамонтана... Ерунда какая-то! Женщины – это всегда серьёзно, опасно и мило.

Но и мужики тут как тут! Чтобы отличаться от лежащих рядом женщин, эти стоят, повернувшись лицом к морю и солнцу. В нарушение всех мыслимых и немыслимых правил и возможностей – у них маски на попе...

– Не понял! Как это они умудрились?!

Ой, не знаю. Ну, куда бедному пенсионеру податься?!

Спросить их о чём-нибудь? Хоть лежащих, хоть стоящих? Подумают – пристаю. Тут с этим быстро!

– Не о том думаешь! Как сосчитать, как умудрились!? Не забывай одну простую истину! Женщины иногда прощают тех, кто злоупотребляет возможностью, но никогда – тех, кто ей не пользуется. Хотя у тебя в голове, небось, надолго застряли наставления вашего КПК про алименты...

Наверное! Вот я подумал... Может, уйти, да водочки с селёдкой?

– *Вот-вот! Это то единственное, что, как я уяснил себе, не наказывалось в аппарате твоей партии.*

Да, размечтался, где она, водочка-то настоящая! А виски? С кем-то виски выпить?

С кем?!

Ну о чём я могу разговаривать с человеком, не испытывающим никаких эмоций от созерцания местного пейзажа «Загорающие». Ведь они все, как стоворились, лежат, стоят, проходят мимо, и ноль внимания! Наверное, заняты поиском своего пути к счастью... Такие наверняка не улавливают тонкой семантической разницы между депрессивным экзистенциализмом карантинного запоя и феерией задорного беззаботного пьянства...

Никогда не понимал фразу «мы не ищем лёгких путей». Так и хочется им сказать: «Так поищите! Они же легче сложных». Я вот всегда ищу лёгкие пути. Даже когда, не выучив уроки, шёл в школу, как на подвиг! Ведь три из семи предметов я же подготовил! Пение, физкультуру и труд... Помню, с каким наслаждением вычёркивал их из перечня уроков завтрашнего дня! Я больше скажу. Я даже ищу лёгкие пути, как искать лёгкие пути! Бывает, сяду думать, а потом лягу, потому что лёжа легче, а потом вообще усну... Иногда просто нужно уйти на дно. Ограничить себя в общении с кем бы то ни было. Исчезнуть, чтобы разобраться в себе, чтобы прибратся внутри себя и разложить всё по полочкам, а прежде эти полочки вытереть от пыли. Пабло Пикассо это называл убрать «пыль с души». И дело тут

не в потребности в одиночестве, а в необходимости остаться наедине с собой или с большим искусством. Дабы очистить мысли, сконцентрировать знания и просто подумать.

Часто может что-то пойти не так. Может случиться всё что угодно. Так вот! Если что-то не получается, это ещё ничего не значит! Просто сейчас это что-то идёт не так, как ты хочешь. Как сейчас хочешь... Уже завтра, а может, через минуту многое изменится. Не стоит делать поспешных выводов, принимать резкие решения и тем более спешить их реализовывать. Сядь, посиди, послушай хорошую музыку, вкусно покушай, купи себе что-нибудь, улыбнись и поверь, к этому моменту ничего решать уже не придётся. Время – это ресурс, который способен решить всё и всегда. Помните Ваши слова? «Немедленно или срочно ждать!» Жди, лишь изредка спрашивая себя: «А что будет, если сейчас ничего не сделать?»

И вообще, я считаю, не нужно гоняться за счастьем! Как бы оно ни выглядело. Лучше найти то место, где оно водится. И счастье само тебя найдёт. Случаются такие моменты, когда Судьба приходит и стучится в твою дверь. Это может произойти одним из миллиона способов – через хорошую книгу, танец, который тебя танцует, музыку, проникающую прямо в душу, собачку, котёнка или птичку, через страсть, прозрение в творчестве, цветок, закат или рассвет... Я считаю, что нужно быть открытым, чтобы сразу почувствовать это!

В конце концов, можно просто умчаться куда-нибудь на чудесный остров... Я понял, только не на Святую Елену! Там радость каждый день! Кстати, её совсем несложно получить здесь и сейчас. Нужно

только к какой-нибудь вдруг случившейся неудаче относиться как к удаче, смысла которой ты ещё не понял. Правда, если всё время везёт, тогда радость превращается в привычку и... исчезает. Так для того и даётся время, чтобы не сразу радоваться, а сперва чуть-чуть помучиться, прозревая и угадывая очередную удачу! Но, что важно! Всегда, даже если кажется, что всё очень плохо, хорошо бы сразу умудриться подмечать крупницы хорошего! Красота есть во всём, но не всем дано это видеть. Кто-то умный сказал: «Можно всю жизнь проклинать темноту, а можно догадаться зажечь маленькую свечку... Свет собственного ума – самый лучший. Он освещает и снаружи, и внутри, позволяет понять, что для тебя вредно, а что полезно. Здесь сокрыто и трудное, и интересное...» Ведь это тот самый миг, когда ещё пылающий Разум уже начинает гасить твои первые эмоции.

– Хорошо сказал. Сам сообразил? Действительно, к примеру, враг – это же ужасно! И тем не менее не бойся его. Он нужен! Он мотивирует. Бойся иметь плохих друзей, они дезориентируют и тянут на дно. Это токсичные связи...

Их нужно как можно быстрее почувствовать и постепенно, медленно «вымывать». Токсичное и вредное никогда не вырывай из «клеток» своей души! Это почти всегда больно, да и небезопасно. Только вымывай! Постепенно, как в медицине капельницей... Красивое и полезное, напротив, – старательно намывай! Как крупницы речного золотого песка...

А лучше забыть всё это, оставаться собой, сесть на берегу или устроиться где-нибудь в лесу на

полянке... и любоваться. И тогда море ощущений, как вдох свежего воздуха через распахнутое окно, проникнет в твою душу, наполнит восторгом, умилением и немножко истомой... Эти ощущения всюду вокруг и внутри тебя! В мелькнувшем блике солнца на капельке утренней росы... В слабых лучиках уходящего дня, успевающих порезвиться на водной глади... Они на летящих облаках, лишь одно мгновение видимых на мокром песке после отката волны... Самое главное – сказку не спугнуть! Она ведь такая хрупкая, мимолётная и призрачная!

– Ну, поэт! Точно! Как же ты умудрялся деньгами зарабатывать, если во всём видел нечто прекрасное?

А «качели судьбы» научили. Быстро понял, что нужно уметь сочетать в себе крайности. На первый взгляд это может показаться странным. И тем не менее! Иначе мир будет казаться чёрно-белым, без огромного обилия оттенков. Но и этого мало! Главное – уметь увидеть, разглядеть эти оттенки в характере, в поведении человека «на его качелях судьбы». Оттенки любые! И положительные, и, на первый взгляд, отрицательные. Все они обязательно срабатывают. Только нужно уметь их разделить и своевременно в зависимости от ситуации включить. В паутине судеб человеческих нет ни одной лишней нити. Даже самая тоненькая из них к чему-то ведёт... Вопрос – к чему? Вот это и нужно разглядеть в биографии человека! А как? Как ни покажется странным, нужно любить людей и в то же время быть равнодушным. Не занимать ничью сторону, оставаясь как бы отстранённым, но всё же не посторонним.

Творить добро и ждать зла. Надеяться на лучшее, но ожидать худшего. Жить с открытым сердцем и никого в него не впускать...

– Ещё не забудь про ту женщину-художника, что мешала всем на собраниях владельцев. Валяться у них в ногах, но никогда не быть в их руках!

А вообще, нужно уметь мечтать! Любить и не бояться мечтать. Не бояться того, что расстроишься из-за неудачи.

– Правильно мыслишь, товарищ! Мечтать – совсем не значит подвергать себя риску. Опасность возникает тогда, когда мечта тебя цепляет, и ты пытаешься превратить её в действительность. То есть ради этой мечты спотыкаешься или, как у вас говорили, меняешь течение рек, высокие горы сдвигаешь, по полюсу гордо шагаешь... Но, как я понял, ты это уяснил себе ещё в начале девяностых, в сарае с помощью листа обоев.

Да, я знаю... И ещё раньше! Когда топал по льду Арктики в поисках красного хвоста успевшего улететь самолёта. Потом я даже не только научился отцеплять мечту, но и её создавать! Просто нужно мечтать снова и снова, ставя всё новые и новые цели. Главное, они должны быть значимые, очень ясные, осязаемые, со своим запахом, цветом и точными очертаниями.

А Судьба круче нас. Она сама принесёт тебе твою мечту. Нужно только её узнать и вовремя протянуть руку... Или отдернуть!

– Однако! Верить только в судьбу значит не верить в себя... Хотя ты прав, пожалуй! Нужно верить в своё движение навстречу мечте!

Вы знаете, вечерами я люблю вспоминать то, что было, и чего уже не вернуть. Как же быстро летит время! Действительно, ещё вчера «сегодня» было «завтра». Появляется какая-то приятная грусть. Вроде и счастлив от того, что было это всё, а вроде и грустно от того, что этого больше не случится. Щемлящее чувство ушедшего времени, необъяснимая разумом ностальгия – о чём? О ком? И тонкое послевкусие испитой до дна чаши...

Люди порою устают от детства и спешат стать взрослыми, но потом желают возвратиться в детство. Теряют здоровье в погоне за богатством, но потом тратят эти богатства, чтобы вернуть себе здоровье. С тревогой думая о будущем, забывают настоящее и не живут ни в настоящем, ни в будущем. Живут, как будто никогда и не умрут, и умирают, как будто никогда и не жили...

Удастся ли ещё когда-то после всех перипетий современной действительности вновь прикоснуться к полноценной жизни – «способу существования белковых тел», окунуться и в бытие, и в сознание? И надо ли?

Малый и средний бизнес испарились, как и не было никогда. Наверное, от жары... В крупном – все уже давно определились. Дружбу с бизнесом не путают, любовь и обиду туда не впускают. Наверху время от времени только топ-менеджеры местами меняются. Из-за отсутствия информации порою кажется, что это происходит само собой, этакий «рыночный механизм»!

– Ага! Как у вас говорят: «Щас!..» Это попытки решать что-то «волюнтаристски». Когда государство не справляется со своими делами, успеха добиваются «финансисты»!

Ну, тогда здесь совсем лишними будут системные усилия по подбору, расстановке и воспитанию... А «искусство расставить нужных людей в нужных местах – начало науки управления...» Ваши слова. Ведь так!

– Мои! Я полагаю, не случайно в мои годы для решения насущных проблем своей страны ваша Екатерина Великая, например, вместо медленных и зачастую безрезультатных усилий по изменению чего бы то ни было просто назначала новые институты власти. А в старые, коррумпированные и чрезмерно бюрократившиеся, уменьшала поток поступающей информации... Найти места для недовольных самое трудное! Посему лучше и не заморачиваться! Но именно такие несистематические решения хороши для кризиса. А сегодня он во всём мире!

Кризис-то кризис! Но даже в этих условиях я считаю, что скорость жизни должна быть такой, чтобы ты успевал видеть красоту, различать запахи и звуки. Если ты теряешь эти ощущения, значит надо замедляться. Когда обретаешь – значит, живёшь так, как надо... И остаётся только опять-таки – «немедленно ждать!» Но не тоскуя в ожидании, а радуясь в предвкушении. Я, к примеру, уже лет десять как понял слова Достоевского: «Описание цветка с любовью к природе гораздо более заключает в себе гражданского чувства, чем обличение взяточников...»

– У этого писателя были мощные качели судьбы! Отсюда и мысли соответствующие...

Я про скорость жизни... Что интересно: сейчас мне не нужно ничего делать! Ничего из того, что не хочется. Гуляй, пиши себе, ешь иногда и спи... Любопытно наблюдать за событиями в мире. Именно любопытно. Ни больше, ни меньше! Наверное, это не в последнюю очередь объясняется безразличием. С этим милым чувством относишься ко многому из того, что раньше представлялось важным.

Например, могу с лёгкостью выключить компьютер или закрыть книгу без закладки на самом интересном месте и пойти гулять с собачкой... Чувствовать всю прелесть настоящего! А как я люблю спать после обеда! Лишь бы слышать, как рядом храпит мой пёсик и время от времени вздыхает от удовольствия.

Ничего так!

А ведь здесь, в Португалии, во французской и испанской Каталонии, как и в Приморске, слева от переезда по пути в Выборг, вереск цветёт почти круглый год. И белый, и голубой, и ярко-красный... Если взглянуть на всё поле разом – что-то напоминает...

– Ты про Россию или про Францию?.. У них флаги почти одинаковые. Только у вас в ширину, как сама страна, а у Франции – наоборот. Или это ты про безвозвратно ушедшее время... Как там, у нашего Аполлинера?

«Срываю вереск. Осень мертва.

На земле, ты должна понять,

Мы не встретимся больше. Шумит трава,

Аромат увядания. Осень мертва...

Но встречи я буду ждать!»

Не знаю, не знаю... Знаю только, что вереск исцеляет от любой жути! А «ландыши» здесь растут прямо на «земляничном» дереве... Привезённая из Питера рябина прижилась и украшает вечно зелёный фон гроздьями ярких красных ягод. Кого ни спроси, никто не знает, кто премьер-министр Португалии... Даже в грязном и бастующем Париже я отыскал в Латинском квартале самую узкую улочку города, где одно время жил и творил Бодлер. Вот кто умел в любом кошмаре отыскать крупички прекрасного! Здесь, рядом, «на хуторе» близ Ситжеса, как бы напоминая о былом, хоть и преследует всех и всюду древнее дерево «Фига», а мой пёсик таки нашёл себе подружку Эмму...

Будет что вспомнить! Минувшее... Промелькнувшее и разлетевшееся россыпью бесценных мгновений. Таких кратких, тревожных и безысходных, упоительных и беспечно счастливых.

Но вот ведь напасть какая! Говорят, что следы, по которым можно вернуться в разное время жизни, – это музыка. Я почему-то всегда сперва запахи ощущаю. А уж потом воскресают факты.

* * *

А Вы что скажете? А то я всё про себя да про себя, а Вы – ноль внимания! Одни реплики с Вашей стороны! Вы же мудрый до невозможности! Выдайте нечто всеобъемлющее...

– Как философ, певец или художник, что ли? Это ни к чему. В такие времена все обозначаются, кому не лень. Публичные люди считают своим долгом потиариться. Излагают направо и налево своё мнение. Ой, как всем интересно! Простые граждане или

молчат или, компенсируя сформировавшиеся из-за чего-то комплексы неполноценности, туда же лезут... Жгучее желание не только дать, но и навязать свою оценку! Хотя бы кому-то рядом оказавшемуся или близкому человеку. Кстати, оценку, навеянную из одного и не важно какого источника. В разведке не зря требуется три разных!

Вот что я тебе скажу, товарищ. Сижусь и слушаю, слушаю, как ты, «БФ», уже почти битый час мне свои сказки рассказываешь про всякие заморочки, партийные, профсоюзные и прочие. Слишком много специфики! Термины, непонятные словосочетания... Ты же должен помнить, что в кризисе «носители проблем», как ты их называешь, часто отмахиваются от советов, ссылаясь на специфику их бизнеса, на некую особенность их ситуации... Забывая или просто не зная, что кризисные процессы, при всём их величии, это само по себе узко специальное явление природы, со своими законами и особенностями проявления и «исцеления»... И они никак не отягощены спецификой конкретного бизнеса! Будь это наука, производство, банк или ещё что...

А твоя исповедь, кстати, так же, как и твоих «нациентов», слишком часто пестрит спецификой конкретного времени. Я понимаю, это для тебя важно! И для острого восприятия тобою конкретного исторического периода – тоже. А то будет, как в ваших сериалах про Вторую мировую. Солдаты воюют в современных железных касках, да ещё с болтающимся под подбородком ремешком... Прямо как в голливудских фильмах про американских солдат во время войны во Вьетнаме...

А вообще скажу: «Тебе бы мои кризисы!» Был министром при пяти сменявших друг друга режимах и,

изменяя им, никогда не изменял ни себе, ни Франции. Я знаю истину: «Если себя не уважаешь, значит, никого не уважаешь!» Просто не умеешь. Церковь сдал. Короля сдал. Наполеона нашёл и из Итальянского похода притащил. Сделал третьим консулом. Потом – первым. Потом – императором. При этом поляну расчистил – никаких конкурентов! Потом император не послушал меня – погубил три поколения французов... Сдал и его! А короля вернул. Вот качели так качели! Всю Европу поделил в 14-м! Был спикером Венского конгресса! А!? И всякий раз – это плод моих долгих размышлений. Даже когда я умер, все затараторили в один голос: «Ой! А зачем ему это понадобилось?» Это тебе не секретарь заседания правления какой-то там компании в Москве... Пусть даже с красивым ковром на полу. Так, между прочим, Бельгию создал... Не случайно там сейчас власти непонятного мне Евросоюза сидят.

А вот Оноре де Бальзак. Слышали о таком? Большой знаток души человеческой. В его книгах полторы тысячи персонажей... Он считает, что Вас должны украшать венками, а вместо этого кидают грязью... Одна маленькая улочка носит Ваше имя, узенькая, с односторонним движением, ни одного деревца, ни одного цветка. Всего-то сто пятьдесят шагов! Даже в Пантеоне Вам места не нашлось, как, впрочем, и Бальзаку. Эх, Франция, Франция... Ну почему так?

– Во Франции всё сложно. Своя, многим непонятная, психология. Это тебе не у вас! Почти на всех домах надписи на чужом языке! Даже если название заведения написано на русском, всё равно – англий-

скими буквами... Да ещё чиновников почти в два раза больше стало, чем было в некогда большой стране! Неотъемлемые атрибуты неокolonии... Кстати, тебе, как химику, скажу. Лакмусовая бумажка настроений у вас знаешь что? Не знаешь! Люди, видя всё, что вокруг, пытаются, пусть не в душе, так хоть внешне быть лучше! И не зря именно на этих заведениях названия написаны по-русски «Салон красоты»...

Я так скажу, всегда, когда что-то создаётся, это всего лишь средство для изменений здесь и сейчас! Поменяются условия, расклад сил, конъюнктура властных полномочий, и они исчезнут... Тебе ли этого не знать! Обычно лучше других это чувствуют те, кто работает или работал при власти. Кто там не был – вообще из другого мира! Что-то изменишь к лучшему, придут другие – всё сломают! И ещё обязательно, как ты правильно говорил, «стратегию развития» купят. Мол, мы не временички! И не коррупционеры заодно... Мы надолго!

Вот и «склеивай» то, что после них остаётся! Тоже мне, «БФ», понимаешь...

Останутся государства, нации. Но только те, что существуют веками. Можно изменить их границы? Конечно, можно и даже иногда нужно! Но это временно! Народ... Он может включать в себя частицы другого этноса, другую религию... Так было и с католицизмом, и с православием, с вашим коммунизмом и с моим капитализмом... Всегда остаётся человек, личность. И этой личности, конечно, если она такова, нужно предвидеть все эти катаклизмы природы. И вовремя предвидеть! А эти только и талдычат: «Предательство, предательство!» Диванная психология обывателей...

Я ходил по краю пропасти, вполне сознательно подставляя свою голову под удар, но побеждал я, а не Наполеон, Людовик, Баррас и Дантон. Они приходили и уходили, сделав своё дело, а я оставался. Потому что я всегда умел видеть победителя и под маской величия и незыблемости угадывал побеждённого...

Это природоподобные технологии! А не то, что пока ещё делает весь мир. Ищут руду под землёй, потом переплавят её в печах, сделают болванки и давай точить из них болт...

И гордиться нужно не результатом – твоими комнатами с четырьмя пылинками, а тем, как ты их получил! Это и есть природоподобные технологии! Их нужно изучать в школах, а не алгебру! Алгебру, конечно, тоже нужно, но потом! А сперва «танец», «песню», «футбол»... Ну, всё то, что ты вычёркивал с остервенением из списка завтрашних уроков. Кстати, если говорить о наёмном труде, то это самые высокооплачиваемые сегодня профессии!

В детстве ты научился быть выдумщиком и даже шельмой. Занимаясь музыкой, развил хороший слух. Когда играли в войну, ты «стрелял» так похоже на реальные звуки стрельбы, что все просто не могли не падать на траву... В юности, не выучив домашние уроки, каждый день ходил в школу как на подвиг. Уже позднее всё время что-то хотел изменить. Потом научился влиять, не приказывая и даже не советуя... Это очень, очень непросто! А уж на перепутье эпох вдруг вспомнил про «химию жизни», она ведь такая! Каждая мелочь может так взорваться, что мало никому не покажется. Ты видел именно их – мелкие, незаметные детали, фрагменты общего! Правильно, главное видит любой менеджер!

Я так считаю: вот природа твоего успеха тогда! А сейчас нужно учиться наслаждаться радостями жизни. Всё та же «химия жизни». Не всякий умеет! Но эта поэзия тоже иногда у тебя проскальзывает... Помнишь облака на мокром песке после ухода волны? Не всякий увидит!

Короче. Ты «копал». Теперь нужно «не копать»!

Да, вспомнил, Большой бизнес я никогда не трогал! И правильно делал... Это круче, чем нация! Он межнациональный. Он на другой планете. Оттуда никогда не придут и не попросят помочь! Даже представить такое невозможно! Почему? Сам догадайся!

Я занимался политикой. Это, как я уже говорил, бизнес в кубе. Здесь психология лишь средство! Как и языки. Твой удел – малый, на крайний случай, средний бизнес. Не скажу, что это мелко. Ни в коем случае! Тут своя специфика работы. Хоть ты и не рассказывал ничего про твои кризисные проекты, а только про жизненные заморочки, всё равно никак не могу забыть ту женщину – художника на собрании! Но соглашусь, с теми кризисами, что были в девяностые, ты вовремя успел. Потому что предвидел! Эти твои встречи с миллиардерами действительно дорого стоят!

А сейчас, ты прав, ни среднего, ни малого бизнеса нет! И не только у вас. Вот и радуйся, любуясь разноцветным вереском. Ведь он тебе что-то так напоминает!

Ой, ладно! Достал ты меня своими рассказами! Давай-ка лучше вытъем виски. Помнишь, ты говорил: «не с кем». Кто-то из ваших сказал: «Есть такая партия!» А, вспомнил, Ленин! Вот кто! Ты ж с него начал и не закончил, шельма: «...Я и Ленин, фотографией на белой стене»... Думал утаить! Напрасно! Всё

равно узнаю! Про вашу Екатерину Великую знаю? Знаю! Про Достоевского – тоже и про Маяковско-го... Знаю, есть у тебя племянница – Леной зовут... И ты, когда она знакомит тебя с кем-то, представляешь: «Ленин»... И потом добавляешь: «...дядя». Посему, знаешь что? Ты в комнате этой сам с собой разговариваешь... Но в разных ипостасях. Это заболевание! Расщепление личности называется. А вовсе не с вождём мирового пролетариата и не со мной – выдающимся... Ой! Заразился от твоих партийных заморочек. Когда избирают – «видный», вот когда пойдёт – «выдающийся»... Просто целителем, дипломатом, епископом и графом... Одновременно! Вот что важно!

А тебе нужно самому с собой разобраться! Потому как тебе не ясно, «что делать». Ну, что делать? Почитай Чернышевского... Или вспомни хороший диалог: «Что можешь делать?» Помнишь? «Могу копать... А ещё что? Могу не копать». Прелесть! Тебе не нужно ничего делать из того, что не хочется. Это понятно. А что хочется? Вот вопрос! Этому тоже нужно учиться... А ты талдычишь: «С кем выпить виски? Не с кем...»

Кстати, где у тебя виски, я тоже знаю! Так что настоящим подтверждаю! Есть такая партия... Ой, есть такой человек! Человек, с которым не грех выпить. Помнишь, даже ваш композитор Шостакович был таким! И потом... Нужно хоть в чём-то быть согласным с собеседником. Разве я не прав? Это азы психологии общения. Всегда, в любой жуте нужно умудриться отыскать хоть чуточку позитивного. А то ты потом когда-нибудь ещё возьмёшь и мою фамилию красным фломастером испачкаешь...

* * *

Будто что-то оборвалось... Как когда-то во Франции, в городе художников Серре, где всё инфицировано живописью... Там в магазинчике «Ivre des livres» («Пьян от книг») Астахов нашёл 25 томов «Histoire générale de la peinture». Залез в них... Интересно, как с годами менялось восприятие женщины художником в зависимости от направления в живописи. Начиная, конечно, с импрессионистов, экспрессионистов и постимпрессионистов, а заканчивая кубизмом, сюрреализмом, футуризмом и абстракционизмом. Обалдеть можно!

И только любимый пёсик, начиная лизать, возвращал его в реальность. Приходилось снимать очки, протирать их, рассеянно оглядываться по сторонам...

Вот и теперь! Будто пелена вмиг слетела с его глаз. В комнате снова он, сидящий на тёплом полу, рядом разбросаны книги о Талейране, в камине хорошо горят сосновые шишки, вчера собранные в лесу, рядом бокал виски «Гленфиддих-18»...

Это дружок только что тихо вошёл в комнату, поднялся на задних лапах и настойчиво зовёт его спать.

Они прошли в спальню. Астахов сходу привычно плюхнулся на кровать, как попало сбросив свои тапки. Рядом, предвкушая утреннюю радость, заметил другие, заранее им же правильно положенные. Уже лёжа на кровати, он ждёт, когда пёсик повернётся к нему спиной и захрапит... Мелькнуло в голове: «Ну почему он сам не догадывается взять и правильно положить вторые тапки? Ведь я же его учил...»

Перед тем как заснуть, Борис Астахов будет снова и снова вспоминать и мечтать, вспоминать и мечтать... А потом возьмёт планшет и начнёт...

Замысел чего угодно возникает неожиданно, рождается в одну минуту. Будь то роман, повесть, новая формула ситуации в антикризисном проекте, способная убедить всех его участников в необходимости правильных решений... Или просто эссе – затейливый поток эмоций, не погашенный ещё пылающим Разумом... Главное, чтобы форма побеждала содержание! А это значит, что это нечто, словно светлячок, должно мерцать, возникать и исчезать, зажигаться и гаснуть... Не знаю, где! То ли в голове, то ли в душе...

Иначе получится что-то похожее на плохой сериал с огромной кучей событий. События есть. Они увлекают. Но в душе ничего не пробуждается!

А бывает, гуляя с пёсиком, он вдруг остановится и прямо в андроиде что-то правит, переделывает, переписывает...

Пёсик смотрит на него, не удивляется и только думает: «Достал уже! Вот, опять чем-то занят! Небось про меня пишет. Пожалуй, стоит что-то хорошее сыскать в этом».

И со всех ног убегает в исцеляющий от любого недуга разноцветный вереск...

Часть 2

УЗОРЫ СУДЕБ

За день до первого сентября я заболел гриппом. Горячий чай с мёдом и кипячёное молоко с противными пенками, маслом и содой вынуждали меня ежечасно менять мокрое от пота бельё. Пришлось проваляться в постели почти две недели. Здесь же, около подушки, были разбросаны деревянные шахматные фигуры. Я ими играл в войну. Чёрные – наши, белые – немцы. В углу комнаты на спинке стула висела моя новенькая школьная форма: выглаженные брюки с гимнастёркой серо-голубого цвета и ремень с блестящей пряжкой, на которой выделялась буква «Ш». Букет из белых астр, приготовленный к школе, завял и теперь лишь напоминал, что идти туда всё равно придётся.

Ещё весной к нам приходил какой-то дядька, долго разговаривал с родителями и, должно быть, уговорил записать сына в первый класс во французскую школу. Во дворе было много детей «призывного» возраста, но их родители боялись отдавать туда своих отпрысков. Что-то было непривычное в самом названии. Кроме того, все знали: раз зовут – значит, жди подвоха. Однако ближайшая школа тоже была не подарок: сплошная шпана, постоянные драки, поножовщина, игра в карты на деньги...

В августе из ближайших домов собрали «семилеток» в зал и там по одному заставляли вслед за учителем повторять французские слова, пытались понять, сможет ли будущий ученик говорить по-французски. Если у ребёнка был хоть какой-то слух, то он мог приблизительно повторить эту абракадабру. Иначе не радовалась бы так приёмная комиссия и особенно тот мужик, что весной ходил по квартирам.

Я и так лучше всех во дворе тараторил по-немецки, когда мы играли в войну. Не «бу-бу-бу» какое-нибудь, а «хенде хох, хальт, цурюк». Ну, там, «волен зи бите айн сигарет» и тому подобное. Что означало последнее сочетание слов, я не знал, но звучало правдоподобно. Сам я тоже напоминал немца: белобрысый, с голубыми глазами и нос такой ровный и тонкий. Главное, чёлка у меня была длинная и набок зализанная. Больше того, я и «стрелял» тоже умеючи. Настоящий сухой с потрескиванием звук очереди из немецкого автомата. Так что же, французский сложнее будет? Хотя этот язык никто из них никогда ещё и не слышал.

Тот длинный дядька, что по весне обхаживал родителей, оказался завучем по французскому языку, и звали его Анатолий Иванович. Он вернулся из Алжира, где шла война с Францией. Знали, что это где-то в Африке, а он там работал переводчиком. После ранения вернулся в Ленинград и стал всем доказывать, что стране очень нужны специалисты с французским языком. Так три года назад вместо ещё совсем простой женской школы, где училась моя старшая двоюродная сестра, появилась смешанная, французская, с обучением иностранному языку со второго класса и с дополнительным преподаванием на том же языке почти всех привычных предметов.

Только история, география и литература были французскими, даже военное дело – с французскими автоматами, самолётами и легионами. И одна на всех математика – хоть на русском, хоть на французском.

Я пришёл в школу первый раз только в середине сентября, долго шлялся по этажам, пока не остановился около дверей, на которых висела табличка с надписью «1Б класс». Зазвенел звонок, и слева от входа, вдоль коридора выстроились три колонки учеников. Я узнал многих мальчишек, несмотря на то, что они все казались на одно лицо, в форме и с короткими чёлками на стриженных головах. Впереди всех стояла строгая и очень важная Нинка из соседнего двора. У неё на рукаве белела повязка с красным крестом. Для неё ничего не изменилось. Она и раньше во дворе всегда была медсестрой, когда мальчишки играли в войну. Вот и теперь...

Сразу вспомнил, как однажды, будучи «тяжело раненым», вдруг отпрыгнул от Нинки и ничком, как убитый, упал на землю. Подо мной лежала мокрая, кем-то потерянная, совсем незаметная на мокрой траве серо-голубая пятирублёвка. Целое состояние! Потом, уже после «боя», когда вместе лопали купленные на эти деньги тянучки «Золотой ключик», все почему-то хвалили не меня, а Нинку. Зато моя мама потом почему зря долго ругала именно меня. Мол, где взял такие деньжищи? Продавщицы ей, конечно, сразу доложили, что в магазин приходил её младший сын и покупал конфеты. Ей всегда всё сообщали про её детей. Про старшего, если тот играл в битку на деньги, и вот теперь – про младшего. Она работала акушеркой в родильном доме, поэтому все женщины, жившие поблизости, её хорошо знали.

В общем, стою я перед этими рядами одинаковых учеников и не знаю, что делать. Подошла Училка, взяла меня под руку и «без очереди» ввела в класс...

Три ряда парт. Первая колонка – самая дальняя от окон. Там, за третьей или четвёртой партой девочка сидит с косичками и бантами в два раза больше головы и подзывает меня к себе. Она одна сидела за партой. Так что в первом классе моё место было рядом с Алёнкой. Помню только её ресницы огромные. Когда закроешь глаза, они до середины щек достают. И ещё сыр плавленый сладкий у неё всегда был на завтрак.

За первой партой сидели две девочки. Эти со второго этажа по нашей парадной на Турбинке. За второй: два мальчишки, а за ними опять две девочки. Все проживали с нашей стороны от проспекта Стачек. Ну, а мы с Алёнкой, значит, за четвёртой. Кто дальше? Не помню.

Это случилось во втором классе, перед самым Новым годом. Все ровненько сидели в ожидании начала урока. Почему-то вошла не «француженка», а классный руководитель, учительница математики. Она строго потребовала от мальчишек положить ей на стол все пистолеты, какие только у них есть: деревянные, из проволоки, из пластилина, игрушечные покупные, которые стреляли пистонами. Вообще всё! Её можно было понять. Она из прошлой, женской школы. А мальчишки не могли высидеть целый урок, не постреляв хоть чуточку из своего любимого оружия. Конечно, шум этот ей мешал. С непривычки, должно быть.

Мальчишки оружие не отдавали. Тогда училка сама пошла рыскать, с шумом поднимая крышки у

парт, где сидел очередной «вооруженный хулиган». Пришлось сдаваться, и ребята медленно потянулись ручейком к столу преподавателя, неохотно, чуть не со слезами складывая на него свой арсенал. Я вынул из кармана брюк пластмассовый чёрненький браунинг – подарок моего дяди из Москвы, и незаметно, смотря в упор в глаза Нинки, положил его к ней в парту, за портфель. Та, будто партизан, ничего не говоря, закрыла глаза. Во втором классе меня к ней посадили за одну парту. Повезло!

– А тебе особое приглашение нужно? – грозно прошипела математичка в мой адрес и с сознанием выполненного долга направилась к стенному шкафу, унося в руках все собранные пистолеты.

– А у меня нету... – тихо-тихо прошептал я, – совсем нету. – При этом я поднял руки и покрутил ими так, как это проделывали фокусники, когда хотели продемонстрировать отсутствие каких-нибудь предметов с тыльной стороны ладоней.

– Как это так – нету? Ну-ка, девочка – обратилась она к Нинке, которая сидела слева от меня, – возьми всё, что есть у него, там, *в заде*, и принеси мне на стол.

Весь класс заржал, а учительница так и не поняла почему. Культура речи её мало волновала. Главное, чтобы всё раз и навсегда отобрать, сосчитать и ровненько сложить в шкафу. Нина заглянула в мою парту и, ну надо же, ничего не нашла. Явно «расстроившись», она с сожалением посмотрела на классного руководителя, молча развела руками и села на своё место.

– Каждый пусть придёт с родителями, если хочет получить своё барахло *взад*, – заявила математичка.

Мальчишки быстро сообразили, что предложение не совсем простое. То есть родителей звать не нужно, если не хочешь вернуть пестик. Ну что ж, не такие уж они и хорошие, если разобраться. Подумаешь, на уроке труда из фанеры выпилили лобзиком и сколотили маленькими гвоздиками. Да и краска только синяя была, какую дал трудовик, такая и пошла в дело. Уроки труда, а потом, в старших классах, ещё и военное дело вёл хороший дядька. Его все любили. Инвалид войны, с тремя орденами планками на пиджаке. Он всегда радовался, когда мы взахлёб делали что-нибудь сами. Пистолеты – так пистолеты, всё равно... В общем, решили так: звать родителей в школу – гораздо опаснее. Это бóльшая беда, чем утрата «табельного» оружия!

Решение принято! Решили единогласно не звать родителей. Пусть завалит свой шкаф нашим оружием! На радостях отправились «на вышку».

Была у нас такая забава! После уроков вместо кружков по интересам убежать далеко, к Нарвским воротам, потом за Парк в честь 30-летия ВЛКСМ, туда, где стояла заброшенная парашютная вышка. Её железная винтовая лестница вела вверх, а перед самой площадкой проход был заварен листом железа. Приходилось портфель сжимать зубами, перелезть через стальные балки, потом, ступая по горизонтальной рельсине, осторожно продвигаться к крайней балке, крепко обхватить её руками... А если поскользнёшься? Удержишься на руках?.. Под тобой ничего больше нет. Только сто метров стальных нагромождений и земля! Наконец-то нога обхватила образующую балку и ступила на другую, горизонтальную, которая проходила уже после железной двери. Ещё немного прошагать, держась за... А не за что! Вот так!

Хочется, как в фильме «Человек-амфибия», прямо прыгнуть Ихтиандром к обратной стороне двери, схватить руками её ручку... Но, не выпуская портфель из стиснутых зубов, точно не получится! Потому и приходится, как несмышлёнышам, пробираться маленькими шажками к лестничной площадке с другой стороны железной двери. Теперь ещё несколько ступенек, и ты на месте. Перед тобой весь Мир! Вон там раскинулись корпуса Кировского исполкома с кинотеатром «Прогресс», где потом по несколько раз смотрели «Человек-амфибия», а года через три, на пасху, чтобы не ходили в церковь, ночью показывали «Лимонадный Джо». Одни мальчишки в кинотеатре! Я, помню, даже удивился: во всех туалетах одни ребята. Ни одной девчонки! Напротив «Прогресса» «серп и молот» 384-й школы. Совсем рядом, почти под мной, Нарвские ворота, жёлтое здание два года назад построенного метро... Слева, ближе к краю парка, видна какая-то протока, а у берега плот... Завтра поплаваем! А, может, и сегодня успеем...

Потом вырываем из тетрадей чистые листы. Только бы не перепутать с теми, где домашнее задание и отметка учительницы! Мастерим самолётики и пускаем их в плавание... Они потом долго летят с такой высоты, аж до Нарвских ворот.

А однажды вместо урока математики Анфиса повела всех в парк собирать жёлтые кленовые листья. Будто мы девчонки! Конечно, пока все шли от школы до парка, мы успели стонать к вышке, подняться на площадку, пустить самолётики, слезть вниз. Ну опоздали... Минут на пять всего-то. Анфиса, это она у нас классным руководителем была, говорит: «Идите за родителями и с ними возвращайтесь сюда. Иначе к уроку не допущу!»

«Ни фиги себе! Где же мы сейчас возьмём родителей-то? Все на работе! И потом, подумаешь, тоже мне – урок!»

На следующий день первый урок – русский язык, а математичка всё трётся и не уходит из класса. Пришлось пропустить урок. Потом вообще математика – ещё урок... Короче, вызвали нас в учительскую. Типа будут исключать. Ну, постояли, переминаясь с ноги на ногу и потупив взор... Нормально! Куда без нас!

Однако вечером пришлось испытать... Анфиса уверенно поднималась на третий этаж по лестнице моего дома на Турбинке. Она впереди, я сзади. Этот зад я не забуду никогда! Чёрное пальто учительницы раскачивалось из стороны в сторону прямо перед моим носом. С тех пор любая учительница для меня – это вот такая же, как Анфиса. Только одна мысль тогда не покидала меня: «Хорошо, что ещё утром вынул и спрятал все ремни из отцовских брюк! Он сегодня выходной. Брюки ему не нужны, наверняка в физкультурных штанах ходит по комнате...»

Всё равно досталось! Не ремнём, так вешалкой деревянной...

Да! Был среди нас такой Петька! Сколько его помнили, всегда приносил неприятности, какую-нибудь, пусть маленькую, но беду. Ещё во втором классе он не пришёл на праздник, где у всех были расписаны роли литературного монтажа. Тогда Алёнка, говорившая свои слова после него, наверное, минуту стояла и молчала, не понимая, что делать. Как можно произнести: «Есть коробка у меня...», если до этого не прозвучало: «Нарисую я коня...». Она хлопала ресницами и беспомощно озиралась по сторонам, размахивая коротенькими косичками с белыми бантиками на концах. Она ждала

Петькиных слов, и только Вовка из соседнего двора решился. Он уверенно вышел из строя навстречу всему залу, заполненному родителями и преподавателями, и «без спросу» громко произнёс вместо Петеньки всё, что положено.

До школы родители заставляли Петьку много играть на скрипке и ещё больше читать. В пять лет он уже легко проглатывал всякие взрослые книжки. А в первом классе учительница часто его вызывала к своему столу и оттуда, будто с трибуны, он «с выражением» читал всему классу «Незнайку» или «Волшебника изумрудного города». Маленького роста, тщедушный, с очень большим белым воротником вокруг длинной и тонкой шеи, с октябрятской звёздочкой на груди. Чуть загнутая, вырезанная из красной фольги, она была прикреплена металлической булавкой прямо к гимнастерке. Широкий ремень с огромной пряжкой подпоясывал форму слишком высоко, где-то совсем рядом со звёздочкой. Из-под ремня, будто на девчоночье юбке, спускались длинные небрежные складки гимнастёрки.

Петька сразу почувствовал свою исключительность среди сверстников и всегда старался её чем-то подкрепить. Но чем дальше, тем это становилось всё сложнее и сложнее. Фора, данная ему в детстве, заканчивалась. Уже все умели и читать, и писать, а играть на скрипке вроде бы и не нужно было никому. Кстати, у него не было пистолетика от слова «вообще». Это точно! Опять всё та же исключительность! Если у всех есть, значит, ему это не нужно.

Тогда Петьке, быстро растерявшему свой былой авторитет, больше ничего не оставалось, как начать прыгать с парты на пол, будто в воду, как морской дьявол из кинофильма «Человек-амфибия». Ещё он

сам ножницами отрезал воротник у школьного пиджака, отрастил длиннющие волосы и стал похож на Битлов. И поскольку этого было явно недостаточно, он умудрялся во время обеда набрать полный рот горчицы, тихо сидеть пол-урока, а потом повернуться ко всем, медленно открыть рот и с индифферентным видом высунуть язык... Это надо же! Ждать аж двадцать минут ради самоутверждения. Наверное, давали о себе знать усидчивость и терпение, привитые с раннего детства при игре на скрипке. Ну и, конечно, его звали на подвиг приятные воспоминания о первом классе, когда он был особенным, первым, а может, даже и вообще – главным.

А ещё на том концерте, где Вовка помог Алёнке, мы играли спектакль «Три мушкетёра». Мальчишки в плащах, как во французском фильме, а королевой Франции была Алёнка. Вдруг на сцену вышел завуч Эрнест Иванович и объявил, что на Кубе свершилась социалистическая революция! Все захлопали, а Эрнест Иванович запел «Марсельезу»... Мы, конечно, тоже её заголосили. Слова-то этой песни выучили первым делом! Вот так! На сцене «королева» Франции и её «мушкетёры» поют «Марсельеза». Вот было воспитание!

Вовка отдалился первым. Через шестнадцать лет ожидания у его родителей подошла очередь на новое жильё. Всё Вовкино семейство: мать, отец, младшая сестра и он – наконец-то переехали из четырнадцатиметровой комнаты в коммуналке в отдельную квартиру на последнем, пятом этаже, в новом микрорайоне в Сосновой Поляне. После этого Вовка каждый день опаздывал на первый урок, потому что ехал из дома на электричке, потом остановку на метро и ещё от метро шёл пешком. Он ходил в гряз-

ных лыжных ботинках, но его не ругали. Все учителя понимали: Сосновая Поляна – не подарок. Она далеко, и там всегда и всюду непролазная грязь. И зимой, и летом. Туда даже такси не ездят. И он же самый молодой в классе. Его могли не принять в тот год из-за даты рождения – 22 сентября. Но он уже тогда соображал очень хорошо и так несколько раз согнул свидетельство о рождении на месте лишней цифры, что из двух двоек осталась только одна. Ну, такого грех было не взять в первый класс на два дня раньше положенного срока. К тому же он математик, отгороженный от реальности формулами и теоремами. Задачки щёлкает как орехи, так переворачивает всякие сложной формы пирамидки, что любому сразу становилось ясно, как рассчитать их объём. Ему положено ходить в нечищенных сапогах.

Учительница математики Вовку всем ставила в пример. Отчасти поэтому другие уроки он вообще не воспринимал. Наверное, кроме французского. Так и говорил: «Это пустая и никчемная трата драгоценного времени». Конечно, не хвалят, не ставят пятёрки, а только ругают, ругают и ругают. На таких уроках Вовка часто разрисовывал учебники понравившимися ему математическими выкладками, а потом громко и безапелляционно отвечал на замечания учителей: «Книжка м-о-я: что хочу, то и во-ро-чу. Захочу – в печке сожгу». Однажды на уроке истории он так же привычно отреагировал на возмущение преподавателя. Только на этот раз вместо алгебраических формул он нарисовал нечто другое. На рисунке «Ленин в Разливе» под вождем пролетариата на месте пенька красовался...

Вовку исключили из пионеров. Родители, чтобы не травмировать психику сына, сразу перевели его

в другую школу, тем более что она была рядом с их новым домом. Но это обстоятельство не повлияло на его планы. Во-первых, на новом месте его «туда» снова приняли. Вернее, отменили предыдущее решение. Взяли на поруки и отменили. Куда бы они делись? А потом он всё равно, как и мечтал, поступил в университет на матмех. Причём с первого захода. Даже не пригодился заполученный им в первом классе лишний год до призыва в армию.

Он вообще был импульсивный, резкий, совершенно нетерпимый к тому, что его раздражало. Не нравится урок или учитель – всё! Нет его. Отобразил пионерский галстук – да и ладно! Так же он относился и ко всему, что ему нравилось. Он самостоятельно освоил дифференциальное исчисление, за месяц научился играть на пианино двумя руками. Правда, только «Лунную сонату». Только её. Потому что нравилась! Потом сам быстро выучил английский, а уже позднее быстро женился...

Что-то я всё о других да о других. В шестом классе я сидел за третьей партой средней колонки. Передо мной были две подружки Тата и Валя, будущие медалисты. Я у них списывал алгебру. Вернее, у Татьяны. Она чуть подвинется в сторону, и её тетрадка оказывается прямо передо мной. Она сидела в одном ряду со мной. Кроме колонки были ещё и ряды, если кто не знает. И задания давали каждому ряду разные. Мол, так труднее списывать сидящему рядом! А если сзади? А если рядом такая же отличница?

За первой партой, перед парочкой подруг-отличниц сидел один Вовка. Это был его последний год в нашей школе. Помню, Борис Иосифович спрашивает: как определить объём этой фигуры? Все круто задумались. А Вовка приподнялся, взял это нечто

со стола учителя, покрутил в руках одно мгновение и поставил на место, так развернув, что всем стал ясен ответ...

Однажды, опять не знаю почему, меня пересадили аж на первую парту у окна, к девчонке с фамилией, похожей на фамилию нашего местного участкового врача. Я этого врача хорошо помню, потому как часто болел. Кац – её фамилия. Из той отсидки ничего в памяти не сохранилось. Хоть убейте! Только, как сейчас вижу, за окном одинокий жёлтый лист клёна на дереве колыхнется... И нос этой, с фамилией, похожей на Кац.

Ещё было дело. Сидел я уже в восьмом или в девятом классе с Марьяшей. Писали сочинение, что называется «не смотря в источник». Чтобы я не списывал, посадили к Марьяне. Она же дочка писателя! Помню тему: что-то про роман Шолохова «Поднятая целина». Содержание-то я знал. Кино смотрел про всё про это. Кстати, и про роман Толстого «Война и мир» – тоже сочинение по кино писал. Только фильм не по Бондарчуку, а по тому, 1956 года фильму, где Одри Хепберн сыграла Наташу Ростову.

Так вот, написал я половину сочинения, придумал прямую речь для Половцева и даю почитать соседке, мол, может быть в романе такой текст? Ну, в принципе? Она, помнится, взглянула на текст, посмотрела на меня как-то неописуемо отвлеченно и потом долго кивала головой. Так соглашаются с чокнутыми... У меня что-то такое было: «Половцев долго раздумывал, идти ему на собрание колхозников или это делать нецелесообразно...» Нецелесообразно! Ничего так!?

Вот и все мои отсидки с дамами за десять лет! И два мальчишки из всего класса. Зато помню их. Только их!

В девятом или в десятом сидеть с девчонкой за одной партой – как-то даже неприлично было. Мало ли что подумают... Хотя Петенька и тут преуспел. Сидел на последней парте, не скажу с кем, и обнимался. Вот!

Кстати, очевидный факт полового «созревания» тоже можно было использовать! Правда, редко. Но это наверняка! Спрашивает преподаватель по литературе, и она же тогда была классным руководителем: «Кто прочтёт наизусть стих Маяковского о паспорте?» Я руку тяну выше всех! «Ну, давай, Боря, иди к доске...» Я встаю, смотрю в сторону, где по-прежнему сидят Таня и Валя, и уверенным шагом направляюсь к доске. Вдруг резко начинаю краснеть, махнул рукой, мол, ну вас! И быстро засеменяю на своё место. Училка понятливая была... «Ладно, Боренька, в следующий раз расскажешь». Ни тебе двойки! Никаких вопросов! Благодать! Если не можешь что-то изменить – извлекай из этого выгоду! Это не я, это Шопенгауэр сказал... Я имею в виду половое «созревание». Только одно «но»! Нужно уметь краснеть!

Да! С ещё одной отличницей, Еленой, тоже сидел одну минуту, но уже на вступительном экзамене в универ. Только взяли билеты, только расселись... Ну, мы, конечно, рядом. Всё-таки из одного класса. Слышу, кто-то из приёмной комиссии воскликнул: «Ой, Леночка!» Моя одноклассница встала, села перед этой тётёй, и через пять минут уже радостная вышла из 5-й аудитории с оценкой «5»! Она же медалист и ей достаточно один экзамен сдать. Но на пятёрку! Как всё сошлось у неё!

А я не знаю, как решить задачку. Знаю, что в результате реакции аммиак получается... Но как дока-

зать!? Думаю, ай, ладно, пойду в армию, потом на завод... Стану Героем соцтруда... Вдруг мои милые сердцу размышления прервал чей-то громкий голос: «Ну, кто готов?» Я подумал, раз никто не готов, самое время пойти на подвиг мне. Десять лет не прошли даром! Школа меня к этому ой как приучила... Вот когда воспитание было налажено! А сейчас... Преподавателю кучу записок нужно сдать, прежде чем произнести перед всем классом, чему равно «а» плюс «б» в квадрате. Увы!

Короче! Одну руку поднял, а другой, как на спусковой крючок моего сохранённого Нинкой пистолетика, автоматически нажав на авторучку, жирно обвёл молекулярный вес аммиака – 17... И пошёл. Ещё с фильма «Тайна двух океанов» полюбил эту цифру. Она – пароль к удаче! Все ребята с нашего двора смотрели этот первый двухсерийный фильм по телеку, сидя на полу в агитпункте.

«Какой ответ?» – спрашивает член комиссии. Я уверенно отвечаю: «аммиак» и показываю на обведённую цифру. Там ещё много было всякого понаписано, не разобрать. Вообще, что-то говорил, говорил, говорил... «Ладно, – видимо, не выдержал преподаватель моего натиска, – достаточно. Давайте дальше». А дальше мне попались «жиры и мыла». Но я был бы не я, если бы не мыл каждый день руки с мылом, а Ниночка с красным крестом на рукаве аж в первом классе их проверяла! Короче! Заслуженная четвёрка!

Ещё помню, сидели все по одному за партой в двух аудиториях, чтобы всех разместить. Часов шесть сидели и писали сочинение, как бы заключительное. Я списывал что-то про Печорина. Засекли и отняли книгу. Не Лермонтова. Это можно было иметь с собой, а про его героев. Оставалось два часа

до конца мероприятия. Я встал, подошёл к учителю и попросил отпустить меня домой за книгой. Мол, буду по этой книге писать тему юбилейного года «Сыны Октября». Сходил, благо рядом, как сейчас помню, книжка называлась «Ищите солнце в глухую полночь». Про больного физика, который выбрал два месяца в любимой науке и умереть! Вместо долгого лечения в больнице и непонятого исхода. Чем не сын Октября!

А через месяц на выпускном по физике вообще сморозил! Сказал, что электрическое поле нематериально. Электромагнитное – да, а электрическое – неа! Валя – отличница меня дёргает за рукав... Бесплезно! «Материя – философская категория для обозначения объективной реальности... которая отображается нашими ощущениями, *существуя независимо от них*». Так, кажется, у Ленина! А электрическое зависит от меня. Буду двигаться около заряда электрического, будет магнитное поле! Остановлюсь – магнитного не будет, останется только электрическое. Ну, что не так-то?! Потом присутствовавшая на экзамене по физике учительница по «обществоведению» подошла, взяла меня под руку и ласково так говорит, опять же, как с психически нездоровым: «Боренька, ты, наверное, что-то другое имел в виду, Ведь так?» «Угу», – только и вымолвил я, часто-часто мотая головой сверху вниз. Ещё напишут в характеристике, что я против всего «*матерьялизм*», вообще! А я уже тогда зачитывался Томасом Гоббсом и Фрэнсисом Беконем. У них «материя улыбалась человеку своим поэтическим, чувственным блеском»... Заметьте, не Платоном каким-то. Идеалист, понимаешь! Кстати, про «чувственный блеск» тоже Ленин сказал. Или Маркс... В общем, кто-то из них.

Это точно! Я, может быть, именно тогда понял где-то на подкорке, что при всём уважении к материи, нужно души человеческие постигать, а не материальное производство чего бы то ни было. И отношения исправлять между этими душами! Не приказывая и не советуя даже! А как? Вот только этим вопросом и занимался потом до самой пенсии...

А тут, понимаешь, Валька подбегает и крутит пальцем у виска... А что? Я с ней не сидел и с ней не списывал. Если бы сидел, сообразил бы, что она мне пыталась сказать. А так... Я на неё и не смотрел даже. Особенно после её тирады про электронные облака вместо того, чтобы целоваться, понимаешь.

Так что ничто не случается просто так! Много всяких ниточек в узоре судьбы человека, и каждая к чему-то обязательно приведёт! Главное понять, какая и куда?

Уже много лет, как Татьяна вышла замуж за француза и живёт в Тулузе. Её подруги Вали не стало... А её сын Антон тоже живёт и работает в Тулузе. Большая семья Татьяны и Антон часто встречаются в её доме. Они как родные. Нинка тоже теперь французенка. Около Гренобля живёт.

Мы всегда праздновали дни рождения наших девочек. Нина, та, что с красным крестом на рукаве, жила рядом с моим домом. У неё я впервые услышал на сорокопятке песню Джонни Холлидея «Penitencier». Марьяна жила около Невского проспекта за Домом книги. Когда у неё танцевали шейк, разбил люстру... Подпрыгнул, задел один плафон. Вот он и свалился. С Татьяной после празднования её дня рождения один раз мы даже поцеловались. Это на проспекте Героев было... Сейчас он Ленинским называется. А с Валеи... Однажды, не помню после

чьего дня рождения, я провожал её до дома. Он рядом с нашей французской школой, на той же улице Промышленной и на той же чётной стороне. Там такие маленькие двухэтажные дома, которые построили после войны пленные немцы...

Мы шли, а я всё мучился в раздумьях, что бы такое сказать красивой однокласснице, недавно вернувшейся в наш класс после двух лет проживания в ГДР? И почему только в школе учат всякой ерунде, типа алгебры, а не самому главному?

Вдруг Валя остановилась и повернулась ко мне... Ну, думаю, дождался! А она мне говорит: «Слушай, Боря! Ну если ты так любишь электронные облака, тогда выучи, в конце концов, закон Менделеева, где всё про них сказано...»

Вот так, на фоне яркой экстремальной ситуации, вызванной нерешительностью, одна фраза будущей золотой медалистки, прозвучавшая как нельзя вовремя, предопределила судьбу четырнадцатилетнего школьника, который каждый день, ничего не выучив, шёл на уроки, как на подвиг.

И дело даже не в «химии» как науке. Между прочим, это наука о взаимодействиях! Просто это стало первым моим образованием. Впоследствии были и экономика, и психология. Все они нужны для реализации антикризисных проектов, связанных с разрешением сложных отношений между участниками чужого бизнеса. Вот такая получается «химия жизни»!

Через полгода на уроке химии уже я сидел за первой партой перед Валею и её подругой Татьяной, и они списывали с меня химию... Во как!

Наверное, не случайно на первой странице школьного выпускного альбома наши фотографии рядом: Татьяна, Валя и я...

Алёнка и Лена – тоже медалисты. Они живут в Питере. Мы часто встречаемся, празднуем, болтаем и вкусно едим во Франции у Татьяны, у меня в Португалии или под Выборгом, у Ленки в Комарово, или у Нинки на улице Беринга в Питере, а потом под Греноблем... А Марьяша, дочка писателя, теперь в Америке... Далеко будет!

Мальчишек в классе было в два раза меньше, чем девочек. Где Петя? Этого не ведаёт никто из наших. Двоих убили в 90-е. Один сам умер в нулевые... Ещё один где-то в Израиле живёт. Вот и все мальчишки, которые закончили школу. Вовка раньше перевёлся. Он в Америке.

Ой, сколько лет прошло! Нужно только вычестить почти 25 лет, которые ушли на сон.... Все разлетелись кто куда... Ну да! Школа-то французская... И на кого бы ни учились потом, после школы, иностранный язык оказался сильнее любой профессии. Будь то химик, биолог, математик, инженер и тем более филолог. Уж не знаю почему. Может, потому, что уроки французского были каждый день, а иногда и по два в день, и класс был специально разделён на три группы! Хочешь не хочешь, обязательно спросят. Увы! Надо готовиться... И подвиги здесь не спасут!

Помню, в июне 1991 года зашёл в кабинет к ректору универа. Сказал ему, что сын окончил второй курс филфака и уехал во Францию.

«Знали бы языки – все бы уехали», – услышал я в ответ.

Время было такое...

Ой! Есть на русском! «Салон красоты». Их много и все названы этими двумя словами. Будто утрачено у народа что-то важное и хочется ему это важное, красивое, душевное, ну не в душе разместить, так хоть снаружи, на лице, что ли...

А делать-то что!?

ЭПИЛОГ

Недавно передавали репортаж с парада на Красной площади. Журналист окружил себя мальчишками и стал их расспрашивать в прямом эфире: «А кто, ребята, принимал парад Победы в 1945 году?» Те переглянулись, ища друг у друга подсказки. Один, тот, что посмелее, как-то неуверенно, наверное так, как привык это делать на уроках, сохраняя возможность быстренько исправиться в случае чего, пробурчал: «М-м... Ленин?..»

Я не могу точно описать то, что почувствовал тогда. Какое-то редкое по силе удивление, переходящее в страх. Это будет покруче тех ощущений, какие испытывают сегодня многие, находясь в бесконечных пробках или видя, как ищут еду на помойках. Тут экономика. Тоже сложно. Но здесь – история, генетическая память народа. Такие вещи исправляются только через поколения. Если вообще исправляются.

Помню, проехался по Питеру. На домах все названия на английском. Даже если на русском, всё равно – английскими буквами... А ведь, помню, было постановление ЗАКСа Питерского – писать на зданиях объявления, рекламы и прочее только на русском...

Содержание

Часть 1. Двое в комнате.....	4
Часть 2. Узоры судеб.....	83
Эпилог	102

КОРНЕВ

Борис Фёдорович

Двое в комнате...

Повесть в двух частях с эпилогом

Художественный редактор А.П. Клопов
Технический редактор И.П. Павлов
Корректор Л.Н. Николаева

Издательство «Историческая иллюстрация»
192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: (812) 412 0737

Подписано в печать 10.05.2023. Формат 84 × 108 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Объем 3,25 п. л. + вкл. 0,25 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № ?????

Отпечатано в типографии «Арт-экспресс»
199155, Санкт-Петербург, В. О., ул. Уральская, 17, к. 3